

Валерий ГОРШКОВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

**ТЮРЬМА
ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ**

Валерий Сергеевич Горшков
Тюрьма особого назначения
Серия «Тюрьма особого
назначения», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119036
Тюрьма особого назначения: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-15707-7*

Аннотация

В стенах бывшего монастыря еще при советской власти сделали тюрьму особого назначения. В ней сидят те, кто получил пожизненный срок, – серийные убийцы и воры в законе, на счету которых бесконечное число преступлений. Но и в этой закрытой ото всех тюрьме есть кусочек нормальной жизни. Настоятель тюремной церкви отец Павел всеми силами пытается направить души отпетых преступников на путь истинный. Бывший офицер спецназа, прошедший Афган, отец Павел поклялся никогда не брать в руки оружие. Но когда он узнает, что в тюрьме готовится побег одного из самых опасных рецидивистов, то понимает, что пора вспомнить свой боевой опыт...

Содержание

Часть 1	4
Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	35
Глава 4	49
Глава 5	60
Глава 6	71
Глава 7	80
Глава 8	91
Глава 9	104
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Валерий Горшков

Тюрьма особого назначения

Часть 1

За высокой стеной

Пролог

Роскошный лимузин серебристого цвета плавно притормозил возле подъезда массивного сталинского дома. Через секунду рядом остановился черный джип. Какое-то время обе машины неподвижно стояли, урча мощными моторами. Наконец из второго автомобиля, глухо хлопнув дверями, вышли двое внушительного вида парней с одинаково стриженными затылками. Один, быстро оглядевшись по сторонам, нырнул в подъезд. Через минуту он вернулся и чуть заметно кивнул своему коллеге. И только после этого сигнала тот открыл дверцу представительского лимузина. Из его кожаного чрева вылез невысокий седой старик в белом костюме с красной бабочкой вместо галстука. Во рту он держал золо-

ченный мундштук с дымящейся в нем сигаретой.

– До свидания, Александр Сергеевич, – произнес телохранитель, отходя в сторону.

Старик молча стряхнул на тротуар выросший на конце сигареты пепел и вальяжной походкой направился к дверям подъезда.

– Приятного отдыха, – с вышколенностью официанта из «Астории» пожелал второй телохранитель, почтительно кивнув.

Старик опять ничего не ответил. Это, по всей видимости, ничуть не задело ко всему привыкших «дрессированных мальчиков». Закрыв за боссом дверь, они облегченно вздохнули. Один достал из кармана цветастой рубашки пачку «Кента» и предложил сигарету своему плечистому собрату. Тот чиркнул по ребристому колесику появившейся в руке зажигалки. Сделав по две затяжки, «бодигарды» вернулись в джип, тут же мигнувший яркими фарами стоящему впереди лимузину.

Сверкающие полиролью машины плавно отъехали от тротуара...

И сейчас же два тихих пистолетных выстрела донеслись до меня из открытой форточкой на лестничной площадке подъезда. Словно кто-то невидимый дважды хлопнул в ладоши. По спине тут же пробежала стремительная волна холода...

Не знаю, что натолкнуло меня на мысль о заказном убий-

стве, но я уже не сомневался, для кого предназначались пули, выпущенные перехитрившим охранника киллером.

Я попытался отыскать взглядом только что отъехавшие от бордюра машины, но те уже свернули на соседнюю улицу. Помощи ждать было неоткуда. Гаишники, запарковавшиеся метрах в пятидесяти впереди и занимающиеся своим привычным ремеслом – «шинкованием» денег, – были не в счет. Не того они поля ягоды, подумалось мне, чтобы брать вооруженного киллера, уходящего с места преступления. Это тебе не с радаром скорости за кустами сидеть!

Я машинально шагнул к подъезду. Не знаю, кем был только что застреленный седой старик. Может быть, от того, что он покинул этот мир, многие честные люди облегченно вздохнут. Но сейчас мне было не до философии и сомнений.

Заскрипела, открываясь, тяжелая дверь подъезда. Я столкнулся взглядом с молодым парнем в спортивном костюме. На голову его был наброшен капюшон, почти полностью скрывающий узкое, со впалыми щеками, лицо. Времени на анализ лихорадочно завертевшихся у меня в голове мыслей уже не оставалось. В том, что передо мной убийца, я ни на йоту не сомневался. Надо было что-то делать.

Незнакомец держал обе руки в карманах спортивной куртки и дверь, как я успел заметить, открыл плечом. Значит, вопреки принятым у киллеров правилам, пистолет он все-таки не выбросил... Парень остановился на мгновение, чуть приподняв опущенную голову, смерил меня цепким

взглядом. После чего снова ссутулился и двинулся в мою сторону.

Ощущая всем телом неумолимо ускоряющийся пульс, я позволил киллеру почти поравняться со мной и даже взять фору в полшага. И резко выкинул вперед, к его подбородку, левую руку, а ладонью правой толкнул его в углубление между лопаток. Парень пошатнулся. Тут же, безо всякой паузы, синхронным хлопком сложенных лодочкой ладоней я с силой ударил его по ушам, окончательно сбив координацию и оглушив как минимум минут на десять. Я неоднократно использовал подобные приемы при выполнении спецзаданий. Эффект потрясающий!

Не издав ни единого звука, киллер ничком рухнул на асфальт. Падая, он непроизвольно выбросил в стороны спрятаные в карманы руки. Из его разжавшейся ладони на тротуар выпал компактный пистолет «бульдог» с накрученным на ствол коротким американским глушителем.

«Знакомая игрушка!..» – невольно подумал я и тут же бросил быстрый взгляд на притормозившее невдалеке желтое такси. Сидящий за рулем запыленной «Волги» молодой парень в кожаной кепке с любопытством глядел на меня. Какое страшно знакомое лицо! Где я мог видеть раньше этого типа? Летяев?.. Нет, не может быть! С того света не возвращаются! Неожиданно из подъезда раздался истошный женский крик. Я резко обернулся.

То, что я увидел мгновение спустя, могло свести с ума ко-

го угодно. Горло сдавило, я инстинктивно рванулся в сторону, но тут же был остановлен взорвавшейся прямо перед глазами ослепительной вспышкой... Голову расколола невыносимая боль...

В следующий момент невероятным усилием воли я приподнял налитые свинцовой тяжестью веки и окончательно проснулся, вырвавшись из очередного ночного кошмара.

Наверное, тысячного за последние пять лет.

Глава 1

Я лежал на диване вагона СВ, а мой грузный сосед по купе тряс меня за плечо.

– Вы... кричали во сне, – удивленно глядя на меня, произнес он. – И вообще, пора вставать. Мы уже подъезжаем.

Окончательно убедившись, что его странный попутчик, то есть я, действительно очухался, начальник стройуправления Бобовкин, а именно так он представился, войдя в купе вчера вечером, сел к столику. Налил из початой бутылки нарзана полстакана и залпом осушил его. А потом уставился в мутно-грязное окно, за которым медленно проплывали чахлые огороды и кособокие сараи.

– Вологда... – пробормотал себе под нос строитель, надув и без того толстые губы. – Сколько лет я здесь не был? Десять? Нет, пожалуй, все одиннадцать. Целая вечность...

Я принялся одеваться. Вагон слегка потряхивало, когда он проходил рельсовые стыки, которых по мере приближения к вокзалу становилось все больше. Едва я закончил с одеванием, время от времени ловя на себе любопытные взгляды попутчика, поезд, несколько раз дернувшись, остановился возле перрона.

– Похоже, приехали! – Бобовкин встал, расправил широкие плечи и как-то загадочно улыбнулся своему отражению в зеркале на двери купе. Потом достал из пузатого кожаного

го портфеля синий флакон туалетной воды «Давидофф», побрызгал им на лысину, заботливо пригладив ладонью жалкие остатки волос на затылке, и добавил: – Что называется, с корабля – на бал! Ладно, желаю вам, батюшка, успехов на вашем невидимом фронте!

Затем толстяк убрал флакон обратно в портфель, снял с вешалки свой пиджак и открыл дверь купе. Несколько пассажиров нашего вагона стояли возле окна и махали руками ожидавшим их на перроне встречающим. Бобовкин еще раз кивнул мне и метнулся к правому тамбуру. А я снова приоткрыл дверь купе и оказался один на один со своим собственным отражением.

Из зеркала на меня взирал высокий, крепко сложенный мужчина, чей возраст было трудно определить из-за окладистой черной бороды. Может, тридцать пять, а может, и все пятьдесят... Он был облачен в темную рясу священника, а на его груди, в свете проникающих сквозь окно купе ярких солнечных лучей, сиял большой серебряный крест.

– Добро пожаловать в неизвестность, отец Павел, – прошептал я сам себе перед тем, как взять чемодан и выйти на перрон вологодского железнодорожного вокзала.

Встречающих меня бравых парней, стоящих возле запаркованного на привокзальной площади бежевого микроавтобуса «Додж», я заметил сразу. Высокие, широкоплечие, с хмурыми взглядами. Именно такими я себе и представлял

бойцов элитного охранного подразделения «Кедр». В том месте, в котором они работали, были необходимы железные нервы, физическая сила и отсутствие каких бы то ни было эмоций.

Я подождал, пока меня тоже заметят, и, подхватив свой объемистый чемодан, направился им навстречу. Спустя несколько секунд крепкая жилистая рука мягко, но настойчиво отобрала у меня багаж, а тихий, с хрипотцой голос вкрадчиво произнес:

– Отец Павел?

– Да. – Я пристально посмотрел на парня в камуфляжной форме.

– Как доехали? – вежливо поинтересовался кедровец.

– Нормально, только в поезде очень душно, – ответил я и направился к микроавтобусу.

– Командир ждет вас, – сказал парень, обгоняя меня и первым подходя к автобусу, возле которого стоял еще один молодой, крепкого сложения парень в камуфляже и мужчина лет сорока в штатском костюме.

– Майор Сименко, – сухо представился мужчина. – Начальник охраны объекта, в который вы направляетесь.

– Отец Павел, – так же сухо отозвался я. Боковая дверь плавно отъехала в сторону. Я чуть подтянул вверх полу своего черного одеяния, нырнул внутрь салона и сел на одиночное место возле окна. У меня не было особого желания в течение предстоящей дороги вести с кем бы то ни было из

«кедров» душеспасительные беседы. Думаю, и они в этом не особенно нуждались. Бежевый «Додж» чуть слышно заурчал двигателем и плавно тронулся с места, развернувшись на площади и затем быстро оставляя позади себя обшарпанное здание Вологодского железнодорожного вокзала. Я смотрел на проносящиеся мимо постройки и думал о предстоящей мне через каких-нибудь два с половиной часа встрече с полковником Карповым... В мрачном замкнутом мире, в котором он является полновластным хозяином, к новичкам относятся с большим недоверием. А посему в ближайшее время мне вряд ли стоит надеяться на что-то большее, чем натянутая улыбка в лицо и острый, пронзительный взгляд в спину. И это в лучшем случае...

Микроавтобус, покинув пределы города, выехал на прямую, как лента, дорогу и прибавил скорость. Видя, как мои сопровождающие пытаются поудобнее устроиться в креслах, откидывая спинки, я поинтересовался, не обращая конкретно к кому-то из них:

– Сколько нам ехать?

– Двести километров, если считать от вокзала, – ответил майор Сименко, сидящий ко мне ближе остальных. – Часа три, не меньше...

Про себя я отметил, что «Додж», резво летящий по шоссе, двигался со скоростью не менее ста двадцати километров в час. И, словно прочитав мои мысли, майор уточнил:

– По бетонке около ста двадцати километров, остальное

– по лесной грунтовке. Там особенно не разгонишься. А вы надолго к нам? – неожиданно переменял он тему и, обернувшись вполоборота, с интересом заглянул мне в глаза.

– На все воля Божья. Может, на год, а может, и навсегда. Кто знает?..

– Во всяком случае, отец Павел, – продолжал Сименко, – я вам гарантирую, что ваша будущая паства будет весьма непохожа на ту, с которой вы имели возможность сталкиваться во время своей предыдущей духовной практики. Хотя «непохожа» – слишком слабое определение для обитателей нашего «монастыря». По сути своей они даже не люди, а самые настоящие сатанисты. У всех без исключения руки по локоть в крови!..

Я уловил неприкрытую злобу во взгляде и словах начальника.

– Любые грешники, какие бы преступления они ни совершили, имеют право на покаяние и прощение, – спокойно произнес я. – Для этого я и еду...

– Только не эти! – брезгливо процедил майор, качая головой. – Впрочем... отец Павел, у нас с вами разные задачи. Надеюсь, мы не будем стоять на дороге друг у друга. Ваше дело – спасать якобы бессмертные души этих подонков, а мое – смотреть, чтобы хорошо себя вело их брненное тело! Только и всего... К тому же я убежденный атеист! – Сименко своим сарказмом поставил точку в разговоре и усмехнулся, лениво откидываясь на спинку кресла.

Или я не очень хорошо выспался в поезде, или на меня так подействовал монотонный гул двигателя вкупе с шорохом шин, но незаметно мои веки сомкнулись, и я погрузился в неглубокий, чуткий к малейшему постороннему звуку сон. Впрочем, находясь на дороге в неизвестность, мне нужно было отключиться от окружающего мира и подумать. Кто я, в принципе, такой и зачем еду в одно из самых мрачных мест на земле – тюрьму для пожизненно осужденных? В последнее пристанище для смертников, которым с легкой руки президента «кирпичная стенка» была заменена на медленное гниение за толстыми каменными стенами древнего монастыря, вот уже много десятков лет как переделанного в тюрьму. И два года как ставшего единственным в России местом, где смерть от пули в затылок была заменена на смерть в рассрочку.

Относительно конечной точки моего «путешествия» все было понятно. Как и абсолютное большинство людей, прежде я не имел возможности видеть Спасский монастырь на острове Каменный собственными глазами. Но я достаточно хорошо знал историю православия на Руси и, конечно же, знал о монастыре, основанном в середине XVII века сбежавшими от церковных реформ патриарха Никона монахами. В непроходимой лесной глуши, на расположенном посреди большого озера каменистом острове они построили неприступный каменный замок, единственной возможностью добраться до которого был стоящий на берегу деревянный па-

ром. С приходом к власти большевиков монастырь был разогнан, а на его месте оборудован «спецобъект». Вот то, что мне было известно о месте, куда я направлялся сейчас в сопровождении начальника охраны тюрьмы и двух его кедровцев.

Что же касалось меня самого... Иногда я волей-неволей задумывался о том совершенно немыслимом клубке событий, что переплелись воедино в жизни и судьбе одного человека – Аверина Владислава Александровича. Именно такая запись стояла в моем паспорте. Несмотря на то что вот уже больше года я слышал в свой адрес лишь одно обращение – «отец Павел».

Так кто же я все-таки такой?..

Глава 2

Картины из моей прошлой жизни всплывали во сне почти каждую неделю. Я видел высокого, крепко сложенного паренька, испытывающего огромное чувство гордости от того, что отныне он – курсант Рязанского высшего воздушно-десантного училища. Сбылась так ревностно лелеянная мечта детства, ставшая смыслом всей жизни. Потянулись напряженные курсантские будни. И вот уже на мне новенькая, с иголки, парадная форма с аксельбантами и погоны лейтенанта... Потом была Псковская воздушно-десантная дивизия, закрытая от постороннего глаза учебка специального диверсионного отряда «Белый барс» и, наконец, война... Странная, необъявленная, жестокая. И что бы там ни говорили и ни писали журналисты из многочисленных армейских газет, мало кто из нас по-настоящему верил в какую-то великую сверхзадачу нашей военной миссии на чужой обожженной земле. Просто мы, стиснув зубы, выполняли данный нам приказ, отработывая вложенные в нас государством деньги и звездочки на своих погонах. Мы надевали камуфляж, брали в руки оружие и убивали. Сорок пять профессиональных рейнджеров с шевроном белого барса на рукаве.

Перед моей первой операцией по «зачистке» местности, когда мы с парашютами за спиной стояли возле низкого трапа военно-грузового самолета, появился наш командир пол-

ковник Корнач и сказал фразу, навсегда запавшую в память: «Убийство – это лишение жизни без лицензии. У нас же, считайте, она есть. Так что пусть ваша совесть будет спокойна. Идите и выполняйте свою задачу...» Запрыгивая в самолет, мы даже не рапортовали традиционное в таких случаях «служу Советскому Союзу!..». Мы – это не все. Мы – выше всех.

После года службы в «Белом барсе» у меня стало колоть сердце и появились ночные кошмары. Я старался не обращать на это внимания. Получил старшего лейтенанта и продолжал выполнять боевые задания. Был дважды ранен, в последний раз – серьезно. Хирурги буквально вытянули меня с того света, и я, поправившись и прицепив на погоны еще одну звездочку, снова ринулся в бой...

А потом, утром пятого июля, наступил ад. Я мало что помнил, кроме того, что нас в буквальном смысле расстреливали из орудий. Снаряды рвались со всех сторон, обдавая смертельным жаром и брызгая на лицо каплями горячей крови. Кругом валялись окровавленные куски человеческого мяса... Уйти в горы удалось только мне и майору Летяеву. Рация была разбита, так что связаться с базой не было ни малейшей возможности. Прячась даже от собственной тени, питаюсь той растущей и ползающей пищей, что входила в «экстремальный рацион выживания», усталые, озлобленные и, как потом выяснилось, заживо похороненные командирами, мы в течение шести суток пробирались в сторону границы «запретной зоны». На утро седьмого дня остановились

возле небольшой горной речушки. Наши запасы воды были равны нулю, так что вопроса – выходить или нет на открытое пространство, даже не стояло. Но едва мы приблизились к речке, как откуда ни возьмись появился мальчик, одетый в драный ватный халат. По всей видимости, где-то недалеко находилось селение. В руках подростка были два глиняных кувшина для воды. Выбрав удобное место, он присел на корточки и, набирая воду, вдруг затянул одну из заунывных восточных мелодий. Все они почти автоматически ассоциировались у нас с образом врага. Лицо Летяева тут же перекосило от ярости. Вместо того чтобы выждать несколько минут, пока мальчик закончит свое дело и скроется за ближайшим холмом, майор выхватил из-за пояса нож и ринулся на ничего не подозревающего мальчишку. Он словно обезумел. Многодневный переход вымотал и меня, но не до такой степени, чтобы не отличить врага от мирного, ни в чем не повинного ребенка. Замешкавшись всего на пару секунд, я бросился следом, пытаясь помешать Летяеву. Но тот оказался на берегу первым. С выпученными от злобы глазами майор схватил за волосы испуганно обернувшегося на шум мальчика и с гортанным звериным ревом полоснул острым спецназовским ножом по его горлу. На мокрые прибрежные камни фонтаном брызнула кровь...

Я настиг майора в прыжке и сбил его с ног. Как бешеные собаки, мы катались по острым камням, не обращая внимания не только на боль, но и на все остальное. Появись где-то

неподалеку целая армия воинов ислама – и мы не заметили бы ее. Наконец мне удалось крепко прижать Летяева спиной к земле. Одной рукой я держал запястье его правой руки, в которой все еще был зажат нож, а локтем другой надавил ему на кадык. Казалось, силы покинули майора и он потерял сознание. На какое-то мгновение я ослабил хватку, пытаюсь вырвать из его расслабленных пальцев кровавый нож. Но тут рука притворившегося Летяева взметнулась вверх, и лезвие полоснуло меня по правому боку... Как назло, бронежилеты мы сняли еще два дня назад, стремясь как можно больше облегчить свою поклажу. У нас были лишь короткоствольные автоматы, ножи, запас патронов, перевязочный пакет и фляга для воды.

Сбросив меня, майор поднялся, презрительно сплюнул на лежавшего рядом мертвого ребенка и прошипел, с трудом переводя свистящее дыхание:

– Ублюдки сраные!.. Вот и валяйтесь здесь... А я пошел, разберусь с остальными обезьянами!

Летяев вытер нож о халат мальчишки, отстегнул от ремня помятую флягу, зачерпнул воды и стал жадно пить, судорожно глотая ледяную влагу пересохшим горлом. Затем, подобрав с земли мой автомат, он на секунду остановил взгляд на моем искаженном от боли лице, усмехнулся и уверенным шагом терминатора зашагал в ту сторону, откуда несколькими минутами раньше появился подросток. Я лежал и был бессилен что-либо предпринять. Этот озверевший безумец

шел на верную смерть...

Очнулся я от того, что услышал голоса. Говорили явно не на русском. Из того, что я смог понять, используя все свои скудные знания местного диалекта, мне стало ясно, что майор действительно добрался до ближайшего селения и пытался устроить там кровавую баню, ранив несколько местных жителей. Он был убит кем-то из стоящих рядом со мной моджахедов, охранявших селение. Сейчас эти люди обсуждали, что со мной делать. Это было самым худшим из того, что могло со мной приключиться. Эти «звери» могли сотворить с пленными все что угодно, и мы были готовы, в случае безвыходной ситуации, пустить себе пулю в лоб. Сейчас я был лишен даже такой возможности.

Меня подхватили за руки и за ноги и куда-то понесли. Боль в боку была нестерпимой. Я снова потерял сознание.

Очнулся я в какой-то обшарпанной комнате, отдаленно напоминающей больничную палату. Я лежал на металлической кровати, перебинтованный и укрытый простыней.

Итак, «воины ислама» решили сохранить мне жизнь. По крайней мере, на какое-то время. Значит, я им нужен. Вот только для чего?..

Прошло несколько часов. Потом появилась кареглазая мусульманская девушка, половина лица которой была укрыта черным платком. Убедившись, что я в сознании, она тут же покинула помещение. А спустя минут пятнадцать в дверях так называемой больницы я увидел троих мужчин. Два

бородатых моджахеда с одинаково злобным выражением лица и автоматами Калашникова в руках и европеец – одетый в белую рубашку с короткими рукавами и брюки защитного цвета. Он приблизился к кровати, в то время как бородачи заняли места у двери.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он на вполне приличном русском.

– Хуже некуда, – ответил я. – Почему меня не убили?

– На то есть причины. – Брови незнакомца сошлись у переносицы. – Как военнопленного, я спрашиваю у вас: назовите номер своей воинской части, звание и имя.

– Значит, я в плену? У кого?

– Вы не знаете, кто расстрелял из орудий ваш диверсионный отряд? – усмехнулся европеец. – Не притворяйтесь! Я интересуюсь не из простого любопытства, а для вашего же собственного блага.

– Неужели?! – Внезапный приступ головной боли заставил меня поморщиться. – Какого такого блага? Быть живьем посаженным на кол? Или подвешенным за руки с содранной живьем кожей?

– Мы не знаем, в каком вы звании, – не без труда подбирая русские слова, произнес европеец. – Если офицер, то мы поменяем вас на одного нашего командира, захваченного в плен вашим спецназом неделю назад. Так что в ваших интересах...

– Ладно... – Слова «парламентера» меня несколько обна-

дежили. По крайней мере, где-то на горизонте забрезжил реальный шанс выжить. Надо было им воспользоваться. – Капитан воздушно-десантных войск Аверин. Для начала хватит... А вы кто такой?

– Этого вполне достаточно, – кивнул мой собеседник. – Мое же имя вам ничего не скажет. Я просто переводчик. – Мужчина повернулся к бородачам с автоматами, что-то сказал им, и они, развернувшись, вышли. Переводчик же задержался в дверях и предупредил: – И, пожалуйста, постарайтесь не делать резких движений. Они этого не любят.

Через секунду дверь захлопнулась. Я снова остался наедине со своими мыслями и болью.

В течение следующих дней меня никто не трогал. Три раза в день приходила уже знакомая мне темноглазая девушка, с неизменным, закрывающим половину лица, платком, и кормила меня с ложки рисом. Она же делала мне перевязки. Но как только наши взгляды встречались, девушка тут же отворачивалась. Я несколько раз пытался с ней заговорить, но бесполезно. Что бы я ни сказал, выражение лица моей «медсестрички» не менялось. Видимо, она действительно совершенно не понимала по-русски.

Где-то в конце второй недели моего пребывания в плену, когда я уже мог вставать и самостоятельно, под конвоем двух неизменных бородачей, ходить на opravку, снова появился тот самый европеец, что разговаривал со мной вначале.

– Как самочувствие – не спрашиваю, – произнес он. – Ви-

жу, что вы приобрели... э-э... как это правильно сказать... товарный вид. Мы связались с вашими, сообщили, что готовы обменять капитана Аверина на Абдул-Халида. Русские потребовали доказательств, так что придется для них кое-что сделать. – С этими словами переводчик открыл висящую у него на плече сумку и достал оттуда фотоаппарат. Прижал его к правому глазу и несколько раз щелкнул, ослепив меня яркой вспышкой. Потом убрал свой «Кодак» обратно, как-то криво усмехнулся, еще раз пристально оглядел меня, одетого в бесцветные лохмотья, и вышел из комнаты.

Спустя три дня меня разбудили где-то под утро, связали руки и под дулами автоматов погнали в горы. После часового марша под нещадно палящим солнцем мои едва затянувшиеся раны снова начали кровоточить. Хотя для «воинов ислама» хождение по этой, поднимающейся почти все время только вверх, узкой тропинке не представляло никакого труда. Вскоре мы остановились на небольшой, но ровной площадке и принялись ждать. Минут через двадцать я отчетливо услышал шум приближающейся «вертушки». Сомнений не было – наши согласились на обмен. Когда из-за ближайшего к нам скалистого холма вынырнула до боли знакомая, почти что родная «стрекоза», мои глаза стали влажными. Но палящее южное солнце быстро высушило их, не оставив и следа от непростительной для капитана спецотряда минутной слабости. Вертолет сделал круг над площадкой для того, чтобы находящиеся в нем бойцы смогли убедиться в отсут-

ствии засады, после чего мягко приземлился на выжженную солнцем траву. И я увидел подполковника Дорошина в сопровождении незнакомого мне человека, не сводящего с меня глаз с той самой секунды, как он оказался на земле. Потом из вертолета вылез замотанный в ватный халат моджахед, которого держали за локти двое бойцов в камуфляже. При виде пленника конвоировавшие меня бородачи дружно ощерились в радостной улыбке и, пригладив бороды легким прикосновением ладоней, пробормотали традиционное в таких случаях «Аллах акбар»...

Процесс обмена не занял много времени. Мусульманин отправился вниз по склону вместе со своими братьями по оружию, а я залез в «вертушку», и вскоре площадка на вершине холма осталась далеко внизу. А потом... Потом я попробовал заговорить со своими, дабы хоть как-то выразить переполнявшие меня эмоции от долгожданного освобождения из плена, но неожиданно наткнулся на стену холодного молчания. Только подполковник Дорошин глухо бросил насторожившую меня фразу: «На базе все расскажешь...», а до сих пор так и не «обозначившийся» его молчаливый спутник бросил на меня настороженный взгляд. Что-то здесь было не так.

Когда вертолет приземлился на незнакомой мне, огороженной колючей проволокой территории, охрана которой осуществлялась с четырех наблюдательных вышек, меня вытолкнули из «вертушки» и отвели в помещение, очень похо-

жее на то, в котором я находился совсем недавно. Те же обшарпанные стены, те же решетки на окнах и железная дверь в стене. Только в отличие от «палаты» с кроватью в этой комнате-камере не было ни единого предмета. Я был в полном недоумении. На мои вопросы мне никто не отвечал. Просто затолкали, захлопнули дверь – и все!

Да, слишком рано я обрадовался, увидев взметнувшиеся из-за вершины холма лопасти главного винта...

За мной пришли довольно скоро. Посадили в армейский джип и повезли на расположенную неподалеку от места моего короткого заключения взлетно-посадочную площадку. Самолет уже ждал, так что вскоре я снова находился в воздухе. А через несколько часов меня доставили на базу «Белого барса», ставшую мне за последние два года настоящим домом. Меня отвели в один из учебных кабинетов, где состоялся первый допрос. Вел его тот самый незнакомый мужчина, что так внимательно наблюдал за мной последнее время.

– Я – майор военной контрразведки Медведев, – представился он, усаживаясь за стол. – Ваше имя, фамилия, воинское звание?

– Капитан спецподразделения ВДВ «Белый барс» Владислав Аверин.

– Расскажите, капитан, когда и при каких обстоятельствах вы стали агентом моджахедов?

Я вздрогнул. Таким диким бредом представлялись мне слова Медведева.

– Я вас не понимаю, товарищ майор...

– Повторяю вопрос, – ровным тоном произнес майор Медведев. – Когда и при каких обстоятельствах вас завербовали моджахеды? Удивлены, откуда нам стало это известно? Все очень просто. – Он развел руками. – Чтобы выволить из плена Абдул-Халида, ваши хозяева решили сдать нам своего агента, так успешно помогавшего им в двух последних операциях по уничтожению наших спецотрядов...

– Все, что вы сейчас сказали, – ложь! – Наконец-то я стал соображать, что на самом деле произошло. – Я – офицер спецназа, а не предатель!

– Тогда как вы объясните тот факт, что два месяца назад попала в засаду группа Орлова и единственным оставшимся живым из всех шестерых бойцов были вы! А в этот раз?! Откуда моджахеды могли узнать о готовящейся высадке отряда из двенадцати человек в указанной точке и оперативно навести на этот район орудия?! И опять единственным уцелевшим остается капитан Аверин!.. Разве не странно получается?

– Я оба раза был серьезно ранен, и вы это знаете! – Я едва сдерживался, чтобы не броситься с кулаками на Медведева. – Это просто стечение обстоятельств! Вы кому больше верите – мне, офицеру спецназа, не раз проводившему успешные задания по обезвреживанию противника, или им, моджахедам?!

Я буквально задыхался от ярости, пытаюсь доказать этому

майору с каменным лицом то, что для меня было яснее ясного. Но он не обращал на мои доводы ни малейшего внимания и продолжал гнуть свою линию. А потом открыл папку и положил передо мной на стол снимок, на котором я был запечатлен рядом с двумя «воинами ислама». Под ногами у нас лежал окровавленный труп Летяева...

– Я слишком долго, капитан, работаю в контрразведке, чтобы верить в такие, как вы выражаетесь, случайности... – Майор закурил и, прищурившись, посмотрел мне прямо в глаза. – Впрочем, я готов вас выслушать. Расскажите, что с вами произошло с того момента, как вы высадились в указанной точке.

В течение часа я во всех деталях рассказывал сидящему напротив меня с бесстрастным лицом майору о неожиданно начавшемся обстреле, о том, что уйти удалось лишь мне и Летяеву. О том, как мы, питаясь всякой гадостью, пробирались в направлении своих. О том, как не выдержали измотанные нервы «спеца» и он перерезал горло ни в чем не повинному мальчишке, спустившемуся за водой, и о том, как я пытался помешать ему, в результате чего получил ножевое ранение в бок. Потом был плен, «палата интенсивной терапии», снимки «на память» и, наконец, обмен на моджахеда. Я убеждал Медведева, что переданный ему снимок – не что иное, как банальный, хотя и выполненный на высоком профессиональном уровне фотомонтаж. В какое-то мгновение мне показалось, что майор слегка оттаял и стал слушать ме-

ня заинтересованно. Так или иначе, но я рассказал ему все от «а» до «я». После чего меня отвели в камеру, где оставили до утра без воды и пищи.

На следующий день ко мне в камеру пришел командир «Белых барсов» полковник Корнач.

– Я вчера слушал запись твоего разговора с Медведевым, – чуть помедлив, сказал он, не глядя на меня. – Если честно, то я тоже не очень-то верю в то, что ты мог оказаться агентом «духов». И в то, что фотография, которую нам передали, – настоящая. Кстати, завтра должно прийти заключение экспертизы относительно фотомонтажа. Если подтвердится, что это липа, то, считай, ты легко отделался. Если же, наоборот, докажут подлинность... – Корнач вздохнул, поднял на меня большие, с чуть желтоватыми белками, глаза и более твердо добавил: – Но, как ты понимаешь, человек, в котором по каким бы то ни было причинам хоть раз усомнились, не может больше служить в нашем подразделении... Ты меня понимаешь, капитан? – удрученно произнес полковник.

Я понимал, что Корнач мне верит. И то, что мне никогда больше не служить в элитных подразделениях ВДВ.

– Я уже решил, командир! – резко ответил я.

– Можно узнать, что именно? – В глазах полковника сверкнул неподдельный интерес.

– Как только придет сообщение, что на снимке присутствует монтаж, я пишу рапорт об увольнении из армии.

– Обиделся, что не доверяют? – покачал головой Корнач. – Зря. Если хочешь, я могу при переводе поговорить с кем надо. Я ведь знаю, что для тебя, как и для каждого из нас, «боевые» – смысл жизни. Ты ведь профессионал, Владислав. Как ни крути.

– Дело не в этом, командир, – произнес я угрюмо. – Просто с меня хватит крови. Не хочу больше...

– Не хочешь или не можешь? Это, как говорят в Одессе, две большие разницы.

– Не хочу больше убивать! Уже год по ночам снятся кошмары. Не знаю, как я сам не сорвался вместо Летяева... Трупы, смерть! Ради чего?!

– Тише! – Корнач выставил вперед кряжистую ладонь. – Ты только Медведеву такие слова не говори... Мы, Влад, солдаты. И наше дело – выполнять приказ. А если кто усомнился в правоте того, что он делает, то... В общем, я уговаривать не стану. Решай сам. Только смотри, как бы потом не пожалеть.

– Это что, угроза?

– Вовсе нет. Я имею в виду твое внутреннее состояние, – парировал Корнач. – Ты уже не сможешь без этого. Это как наркотик. Засасывает с головой. Знаешь, сколько бывших солдат после войны шли работать в милицию, чтобы только иметь призрачную возможность когда-нибудь применить табельное оружие?! К чужой смерти быстро привыкаешь и даже, раз от раза, начинаешь получать от этого удовольствие.

Тем более когда перед тобой враг.

– Я уже принял решение, командир...

– Подумай еще, – буркнул полковник, выходя из камеры. –

Время еще в запасе есть...

На следующий день действительно пришло подтверждение, что фотоснимок – хорошо сработанный монтаж. Медведев снова заставил меня слово в слово повторить все, что я сказал вчера, после чего пропал ровно на сутки, в течение которых меня дважды кормили и один раз даже вывели на прогулку в маленький дворик. Ситуация явно сдвинулась с мертвой точки.

Утром третьего дня дверь камеры распахнулась, и полковник Корнач объявил мне, что отныне я больше не являюсь подозреваемым в измене. И пригласил к себе в кабинет. Расположившись за столом и закурив, что командир «Белых барсов» позволял себе крайне редко, он поинтересовался моим решением и сообщил:

– Я тут договорился с командиром одной учебки... Может принять тебя инструктором спецназа по рукопашному бою. Ты ведь у нас настоящий Рембо. Что скажешь, капитан?.. Естественно, я не стал говорить ему о причине твоего перевода из нашего отряда. Там, в отличие от «боевых», если и есть кровь, то только из разбитого носа! А?

– Спасибо, товарищ полковник, но вынужден отказаться. Будет гораздо лучше, если вы разрешите мне написать рапорт. И подпишете его.

– Все-таки ты болван, Аверин, честное слово, – тяжело вздохнул Корнач. – Но ты не девка, чтобы тебя уламывать. На, пиши! – командир протянул мне чистый лист бумаги и авторучку. Я быстро написал рапорт и отдал его назад. Полковник, не читая, поставил на нем свою закорючку, приписав в правом верхнем углу несколько слов. А потом бросил в один из ящиков массивного письменного стола.

– Все, капитан, считай, что погоны ты уже скинул. Даже не знаю, поздравлять тебя с этим или воздержаться?..

После слов, произнесенных командиром спецотряда ВДВ, до моего реального увольнения в запас прошло еще около месяца. Никто из бойцов нашего подразделения не осуждал меня. Больше интересовались, чем я собираюсь заняться на гражданке. Не от того ли, что многим из бесстрашных рейнджеров, так же как и я уставшим от бесконечного отсчета трупов, подсознательно хотелось спокойной жизни, семьи, детей, нормальной работы?.. Я у них не спрашивал, а они, естественно, об этом не говорили. Не принято.

Через полгода после моего увольнения я познакомился с Викторией. Благодаря нашей встрече я, окончательно уставший от бесконечных ночных кошмаров, периодически накалывающих на меня головных болей и ощущения потери своего места в жизни, вдруг почувствовал, что у меня под ногами снова появилась твердая почва. Эта маленькая хрупкая девушка, работающая медсестрой в военном госпитале,

где я лежал на обследовании, открыла мне новый мир. Мне, долгое время жившему жизнью, в которой присутствовал лишь приказ командира, срывающийся с площадки вертолет, треск автоматных очередей и кровь, кровь... Однажды после нашего длинного ночного разговора она принесла мне маленькую книжицу в коричневом переплете с тонкими, как папиросная бумага, страницами и мелким шрифтом.

– Ты обязательно должен это прочитать. И не просто так, как газету, а постараться понять все, что здесь написано. Чтение не из легких... Но ты увидишь, Влад, тебе обязательно станет легче!

Я взял в руки книгу и прочитал: «Новый Завет и Псалтырь», а потом недоуменно перевел глаза на затаившую дыхание девушку.

– Вика, я даже...

– Не надо, не говори ничего до тех пор, пока не прочитаешь! – Она наклонилась к кровати и нежно поцеловала меня в колючую щеку. – Капитан ты мой несчастный...

Когда она ушла, оставив меня одного, я взял с тумбочки почти невесомую книгу и наугад раскрыл в первом попавшемся месте.

«...А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке... И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великим...»

Я опустил книгу и задумался. Всего несколько строк, а как точно они охарактеризовали всю мою предыдущую жизнь! Я замок свой построил на песке... Да, именно так это и было. И все же я отказался принадлежать к жестокому миру войны, осознав бессмысленность и несправедливость творящегося...

Я читал всю ночь, заснув лишь под утро. Когда же спустя несколько часов я проснулся от мягкого прикосновения к моей щеке теплой и чуть влажной маленькой женской ладони, когда мой взгляд встретился со взглядом близкого и дорогого мне человека – тогда я уже знал точно, чего именно мне так сильно не хватало все эти долгие беспощадные годы службы в спецназе.

– Вика? – чуть слышно спросил я, словно боясь нарушить чистоту наступившего момента.

– Да?.. Тебе снова снились кошмары, Владик? Милый мой, несчастный солдатик...

– Вика, ты не знаешь, где находится ближайший к госпиталю храм?

– Храм? – с чуть заметной улыбкой переспросила она. – А ты взгляни в окно.

Я сел на кровати и медленно повернулся к на две трети затянутому морозными узорами окну палаты. И увидел, как в робких лучах зимнего солнца сусальным золотом сверкнули купола храма. Я столько раз за последние две недели смотрел в эти стекла и – не видел его! Удивительно, каким я был

слепцом!

– Спасибо тебе!.. – Я нащупал ладонь стоящей рядом Вики и прижал ее к губам.

– За что? – удивленно спросила она.

– За все. За то, что ты есть!

Глава 3

С того самого декабрьского утра моя жизнь в корне изменилась. Моя душа словно родилась заново. После перерыва в десять с лишним лет я снова стал замечать красоту природы и получать удовольствие от общения с людьми. Я любил Вика и уже не мог себе представить, что когда-то существовал без ручейков ее шелковистых пепельных волос, без ее милого, ласкового смеха... Это счастье подкреплялось вошедшей в мою жизнь верой. Настоятель храма Святой Троицы стал для нас с Викой не просто духовным наставником, с которым мы часто встречались и разговаривали, а, если так можно сказать, вторым отцом. Спустя несколько месяцев после моей выписки из военного госпиталя мы с Викторией обвенчались, и отец Сергей, одарив нас крестным знаменем, объявил нас мужем и женой. А еще через месяц Вика сообщила, что у нас будет сын... Она так и сказала – «сын», а не «ребенок». Она была уверена, что родится именно мальчик, и постоянно говорила: «Я хочу, чтобы у меня был еще один Владик. Такой же большой, сильный и добрый, как его папа!.. Тогда мне ничего в этой жизни уже не будет страшно...»

Это было в конце весны. А в июле случилось событие, для определения которого я до сих пор не могу подобрать подходящего слова. Впрочем, нет. Одно, кажется, есть – «апокалипсис».

В тот вечер я находился дома, в нашей маленькой однокомнатной квартирке на улице Чапаева, в которой когда-то, до моего поступления в военное училище, мы жили вдвоем с матерью. Она умерла от рака, когда я заканчивал училище... Я ждал, когда Вика вернется домой после вечерних лекций в медицинском институте. Некоторое время назад она поступила на подготовительные курсы, твердо желая получить профессию детского врача. Даже предстоящее материнство и связанные с этим хлопоты не останавливали ее.

Обычно она возвращалась с занятий где-то около десяти, однако в тот вечер стрелки часов показывали уже первый час ночи, а Вики все еще не было. Терзаемый недобрыми предчувствиями, я снял телефонную трубку и набрал номер общежития медперсонала. Уехав в Ленинград от спившихся родителей-алкашей, доживающих свой век в далекой уральской деревушке, Вика поступила в медицинское училище при военном госпитале и жила в общежитии несколько лет до нашего с ней знакомства. Там остались люди, с которыми ее слишком много связывало, чтобы, переехав, забыть про их существование. Время от времени она заходила в общежитие навестить подруг, но обычно при этом звонила и предупреждала меня, где находится. Сегодня телефон молчал.

– Общежитие, – сухо ответили мне на том конце линии.

– Добрый вечер, – скороговоркой выпалил я. – Татьяна Петровна, это Владислав Аверин звонит. Вика к вам сегодня

не заходила?

– Здравствуй, Владик, – в голосе пожилой комендантши сразу же появились теплые нотки. – Нет, не видела. А что, ее до сих пор нет дома? – обеспокоенно встрепенулась Татьяна Петровна.

– В том-то и дело... А вы не могли бы спросить у девочек, может, они что знают? – спросил я первое, что пришло мне на ум, хотя сам прекрасно понимал, что некуда идти Вике в столь поздний час, кроме как домой или в гости к подругам, поскольку больше во всем городе у нее не было других знакомых.

– Ой, господи! – не на шутку разволновалась старушка. – Ты подожди, хорошо, я сейчас поинтересуюсь. Боже мой! – Я услышал, как громко стукнула брошенная на стол трубка и как где-то вдали раздался громкий голос комендантши. Одновременно с ним словно паровой молот застучало мое встревоженное сердце. Я уже чувствовал его удары в голове, в ногах, в пальцах, крепко сжимающих хрупкую пластмассу телефонной трубки. Только бы ничего не случилось... Вот сейчас щелкнет замок на входной двери и она войдет... Нет, вот сейчас... Через минуту...

– Алло, Владик, ты слышишь меня? – донесся до меня голос комендантши. – Лида, ну, та, что вместе с Викой на курсы в институт ходит, сказала, что после занятий Вика попрощалась с ней и сказала, что едет домой. Но только Лидка вот уже почитай два часа как вернулась. Такие дела, ми-

ленький. Даже не знаю, что и делать... А может, ей где плохо стало по дороге, а? – подбросила версию Татьяна Петровна. – Дитя носить – это такое дело, всякое может случиться! То здесь заболит, то там кольнет, а то вообще перед глазами все плавает. У всех по-разному бывает... Я вон, когда своих сыновей носила... – начала было рассказывать старушка комендантша, но вовремя сообразила, что в данной ситуации история ее многочисленных беременностей вряд ли кого заинтересует. – Хочешь, я сейчас во все больницы прозвоню, спрошу, что и как?

– Спасибо, я сам, – ответил я, уже опуская трубку на рычаг. – Если что, я обязательно позвоню.

В течение следующего часа я обзванивал медицинские учреждения Ленинграда, адреса которых нашел в справочнике. Неожиданно страницы как бы случайно перевернулись, и я заметил промелькнувшее название: «морги». По телу будто бы прошла ледяная волна. Нет, я ни за что не стану звонить по этим номерам. Такое просто невероятно... Но время шло, список больниц, госпиталей и роддомов завершился, а про Вику нигде ничего не знали.

Едва я опустил трубку на рычаг, как телефон вдруг взорвался показавшейся неимоверно громкой в тишине ночи пронзительной трелью.

– Вика?! – прокричал я, прижав трубку к уху. – Вика, ты где?!

На другом конце линии кто-то тихо откашлялся. Потом

вздыхнул и холодным, неприятно-официальным тоном поинтересовался:

– Прошу прощения, я могу говорить с Владиславом Александровичем Авериным?

– Да-да! Слушаю вас.

– Владислав Александрович! Моя фамилия Шевлягин, я инспектор уголовного розыска вашего района... – Говорящий со мной мужчина с трудом подбирал необходимые слова. – Даже не знаю, как вам и сказать... В общем... ваша жена, Виктория Аверина, час назад обнаружена мертвой в Покровском парке... Вы меня слышите, Владислав Александрович?.. Ее убили. Предположительно – тот самый маньяк, который за последние полгода убил уже пятерых женщин в Ленинграде и еще одну – в Гатчине... Владислав Александрович, я понимаю ваше горе, но мы делаем все от нас зависящее, чтобы этот ублюдок был пойман. У нас уже есть его приметы... Если вам не трудно, если сможете, то приезжайте сейчас... – и Шевлягин назвал адрес, по которому мне следовало явиться для опознания Вики и дачи показаний.

С этой минуты в моей жизни и наступил апокалипсис.

В течение следующих нескольких недель город был взбудоражен «делом потрошителя». Фотографии истерзанных и изнасилованных маньяком женщин публиковались во всех появившихся в последние годы, словно грибы после дождя, многочисленных бульварных газетах. В целом каждое из семи убийств, произведенных сексуальным маньяком, име-

ло достаточно характерные признаки, чтобы без сомнений приписать их авторство одному и тому же человеку. Хотя назвать человеком чудовище, насаживающее беспомощных женщин в буквальном смысле слова на кол, в роли которого, как правило, использовался зонтик, ни у кого просто язык не поворачивался.

Уголовный розыск, тщательно проверяющий любую информацию относительно данного дела, реально обладал лишь одним свидетелем – старичком пенсионером, который выгуливал свою собачку в Покровском парке вскоре после предполагаемого времени убийства Вики. Он видел парня, словно пуля вылетевшего из кустов сирени и со всех ног побежавшего к стоянке такси. Со слов старика был составлен довольно сносный фоторобот предполагаемого убийцы. В операцию по поимке маньяка было вовлечено несколько десятков штатных сотрудниц милиции, которые ежевечерне прогуливались по многочисленным питерским паркам, держа в сумочке пистолет, а в радиусе ближайших пятидесяти метров за ними наблюдали тщательно замаскированные от посторонних бойцы ОМОНа и других милицейских подразделений.

И уже спустя неделю средства массовой информации сообщили, что «потрошитель» пойман во время очередной попытки убийства. Правда, в роли неудавшейся жертвы оказалась не одна из милиционерш, а проходящая по ночному парку неизвестная молодая женщина, которую подозревает

мый, выскочив из кустов, повалил на траву и стал беспощадно избивать, пока не подоспела помощь. Маньяк был ранен одним из патрульных милиционеров, после чего отвезен в больницу, где и содержался под неусыпной охраной крепких парней в камуфляже и с автоматами.

И вот настал день, когда к подозреваемому в серийных убийствах гражданину Скопцову Вадиму Ивановичу пришел следователь Шевлягин, чтобы снять с него показания. Как и следовало ожидать, подозреваемый все категорически отрицал. Так продолжалось до тех пор, пока следователь не представил Скопцову, работающему, кстати, на мясокомбинате, а по вечерам и ночам подрабатывающему частным извозом на своем стареньком «жигуленке», данные экспертизы, которая свидетельствовала, что под ногтями Вики обнаружены частицы кожи, идентичные с кожей Скопцова, а найденная на трупе одной из жертв маньяка, убитой в парке Гатчины шестнадцатилетней девушки, чужая кровь соответствовала группе крови подозреваемого. К тому же составленный со слов старика свидетеля фоторобот практически совпадал с лицом Скопцова. К тому же на руке ночного «таксиста» отчетливо просматривались еще не зажившие царапины, предположительно оставленные ногтями последней из жертв. Выяснилось также, что ни на одно из предыдущих убийств Скопцов не имеет алиби. Единственным, так сказать, проколом в этом жутком деле был тот факт, что женщина, во время нападения на которую Скопцов был задержан, в суматохе скрылась.

И сколько милиция ни давала объявления, предлагая потерпевшей обратиться с заявлением в ближайшее районное отделение, результата не было.

Однако подхлестываемое общественным мнением и вышестоящим начальством дело о сексуальном маньяке раскручивалось с недоступной для других дел скоростью. Уже никто не сомневался, что исход судебных слушаний предreshен и двадцативосьмилетнему ублюдку дадут «вышку». К тому же продолжавший долгое время упорно молчать Скопцов вдруг сообщил очень интересные подробности. Хотя, как поговаривал следователь Шевлягин, запоздалая «исповедь маньяка» была не чем иным, как тонко продуманной его адвокатом Зубовым легендой, способной в корне изменить ход следствия и завести его в тупик. Исходя из показаний подозреваемого следовало, что в ночь убийства Вики он дежурил на своем «жигуленке» недалеко от места трагедии и вдруг захотел справить некстати появившуюся большую нужду. Он покинул автомобиль и направился в парк, ища подходящие для этой цели кусты. Найдя, по мнению Скопцова, самое укромное местечко, он собрался было снять штаны, как неожиданно обнаружил, что у его ног, практически в полной темноте, лежит женщина. Опешив, Скопцов нагнулся, чтобы проверить, жива ли она. Неожиданно женщина вцепилась в него пальцами и что-то тихо прошептала. Что именно – Скопцов разобрать не смог. Она так сильно схватила его за предплечье, что поцарапала руку. Скопцов в ис-

пуге выдернул руку и, предпочитая не ввязываться в такое скользкое дело, сломя голову ринулся к автостоянке, сел в свои «Жигули» и был таков. В этот момент его, видимо, и заметил прогуливающийся с собачкой на поводке пенсионер.

Что же касается женщины, на жизнь которой якобы покушался подозреваемый, то, с его слов, все обстояло следующим образом.

Поскольку ни жены, ни постоянной подружки у Скопцова в последнее время не было, он периодически удовлетворял свои сексуальные потребности с помощью проституток. Вот и в тот день он зашел в бар, высмотрел подходящую, по его мнению, «ночную бабочку» и предложил ей провести вместе ночь. Девушка запросила за услуги сто долларов. Клиент согласился и повел ее в гостиницу. Часы показывали около девяти вечера. Спустя некоторое время алкоголь и «травка», которой его любезно угостила путана, сделали свое дело – незадачливый ловелас задремал, а когда очнулся, то с ужасом обнаружил, что пропали все деньги, которые в тот момент у него были с собой, – ни много ни мало пять сотен «зеленых». На улице уже была ночь. Не желая смириться с утратой такой суммы, Скопцов выскочил из номера и кинулся в поисках воровки в ближайший к гостинице парк, надеясь на случайность. Видимо, времени с момента исчезновения «ночной бабочки» прошло не так уж много. Так или иначе, ему неожиданно повезло. Пробегая по аллее парка, он увидел именно ту девушку, которую искал. Скопцов набро-

сился на нее с кулаками с яростью оскорбленного, ограбленного и просто пьяного человека. В этот момент его и заметил дежуривший поблизости милиционер, тут же без лишних слов применивший оружие, когда растерявшийся «наильник», завидев его, бросился наутек...

Скопцов и его адвокат Зубов позже сильно напирали на тот факт, что сразу же после задержания подозреваемого работники милиции не удосужились провести экспертизу на алкоголь. Имейся сейчас в деле сей документ, у Скопцова было бы гораздо больше шансов доказать свою правоту. Ведь, как показывает практика, до сих пор криминалисты практически не знают ни одного случая, когда сексуальный маньяк выходил «на дело», будучи пьяным. Кто угодно – только не маньяк! С этим было трудно не согласиться.

Позиция следователя, несколько смягчившаяся после новых показаний Скопцова, вскоре, однако, снова стала жесткой и категоричной. Ни в баре, где подозреваемый якобы познакомился с путаной, ни в гостинице, где отсутствовала запись о сдаче номера гражданину Скопцову в тот вечер, его не опознали.

Итак, дело было завершено и передано в суд. На просьбу прокурора признать подсудимого виновным по всем инкриминируемым эпизодам и выбрать наказание в виде высшей меры, судьи единодушно ответили «да». Город с нескрываемым удовлетворением встретил это долгожданное известие. Зло понесло заслуженную кару...

Но мне от этого было не легче! В одночасье я потерял не только самого дорогого на свете человека, не только своего, лишь готовящегося к появлению на свет, ребенка, но и желание жить. Вокруг меня образовалась мертвая и страшная пустота. Каждый мимолетный взгляд на все, что напоминало мне о Вике, вызывал мучительную боль. Впервые в жизни я подумал о самоубийстве. Возможно, этим бы все и завершилось, если бы однажды рано утром в моей опустевшей квартире вдруг не раздался долгий, настойчивый звонок в дверь. Когда я открыл ее, то увидел стоящего на пороге отца Сергия.

Только благодаря ему я не сделал того безумного действия, к которому уже был готов...

Он помог мне выстоять в самый критический момент жизни и снова обрести веру в себя и Бога. Обрести настолько, что безо всякой подсказки и какого бы то ни было давления я решил поступить в духовную семинарию и стать священником.

Позже я узнал, что не один я пришел к вере таким путем. Кто-то из сидящих рядом со мной за партами крепких мужчин в длинных черных одеяниях в прошлом был заключенным, кто-то, как и я, служил в боевых подразделениях вооруженных сил... Таких среди основной массы семинаристов было немного, единицы, но они были! Все эти люди пытались как можно скорее забыть свою предыдущую бездуховную жизнь и потому не любили рассказывать о том, че-

рез что им пришлось пройти, прежде чем обрести в душе Бога... Они стремились сейчас только к одному – получить сан священника, чтобы «открыть глаза» тем, кто не мыслил свою жизнь без греха. Это стало смыслом их земной жизни, искуплением того зла, которое они успели совершить раньше...

После окончания учебы я окончательно перестал быть капитаном ВДВ в запасе Владиславом Александровичем Авериним. По Божьей воле отныне я звался отцом Павлом и служил в одном храме с моим духовным наставником отцом Сергием. Дни складывались в недели, недели – в месяцы... Я научился безошибочно отличать истинно верующих от людей, посещающих храм с одной-единственной целью – попросить у Бога определенное количество материальных благ. Такие «прихожане» появлялись в храме в дорогих костюмах, в сопровождении широкоплечих молодцов со спрятанными под пиджаками пистолетами. Оставив неподалеку от церкви свои сверкающие автомобили, они покупали охапку самых толстых свечей и ставили их за упокой «безвременно ушедших» компаньонов и «братков», а также Николаю Чудотворцу, чтобы и в дальнейшем удача сопутствовала им в делах.

Конечно, для священника все прихожане должны быть равны. Каждый имеет право испытать на себе милость Господню, покаяться в грехах и получить их отпущение. Все так. И мы никогда не отказывали никому, вне зависимости от состояния, которым владел прихожанин, или его «профес-

сии».

Однако я ловил себя на мысли, что мне не доставляет ни радости, ни духовного удовлетворения после исповеди отпустить грехи бритоголовому парню с лицом бандита, через каждое слово повторяющему «бля», а через десять, видимо для большей убедительности, скрепляющего все вышесказанное еще более крепким словом. И все это – в храме Господнем. Я не сомневался в том, что, едва выйдя на паперть, этот «раскаявшийся грешник» тут же примется за старое, действительно уверовав в то, что и «на следующий раз поп все спишет»... Я испытывал неприятный осадок в душе всякий раз, когда мне приходилось иметь дело с такого рода прихожанами. И сколько ни старался я успокоить себя, вспоминая свое личное прошлое, это помогало лишь на время. Я ничего не мог с собой поделать. Ведь несмотря на сан священника, я по-прежнему оставался обычным живым человеком...

– Это пройдет, поверь мне, – успокаивал меня отец Сергий. – Время лечит. Еще год, и ты полностью и навсегда избавишься от этого тягостного чувства. Вспомни, фарисеи спрашивали учеников Господа: «Для чего учитель ваш ест и пьет с мытарями и грешниками?» Иисус же, услышав это, сказал им: «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные. Ибо я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию». А та часть прихожан, которая так раздражает тебя, и есть именно те самые больные, которым требуется врач ду-

ховный. Ибо болезнь их слишком тяжела... И если есть на свете средство, способное хоть как-то повлиять на их запятанные души, то это именно вера в Господа нашего!

Глава 4

И вот однажды в храм вошел пожилой человек в длинном кожаном плаще. На улице уже вторые сутки, не переставая, шел дождь, и с плаща его на пол храма стекали ручейки воды. Он снял шляпу с полями, стряхнул ее, купил свечку и, тихо кашлянув, направился к иконе Казанской Божьей Матери. Бледный свет, едва пробивавшийся сквозь стекла храма, не позволял мне разглядеть его лица. Но я почувствовал, как в груди вдруг шевельнулось что-то давно забытое, казалось, уже почти не существующее. Мне почему-то захотелось вытянуться, расправив грудь, и отдать честь. Поставив свечу, мужчина отошел на шаг, перекрестился, а потом, постояв пару секунд, так хорошо знакомой мне уверенной походкой направился прямо ко мне. Еще не слишком осознавая происшедшее, я машинально шагнул ему навстречу.

– Здравствуй, Владислав! – Мгновение спустя я убедился, что за прошедшие со дня нашей последней встречи несколько лет у полковника Корнача не изменилась ни походка, ни голос. Как всегда, он был глубоким, с едва заметной хрипотцой. Таким, от которого у новичков отряда по спине пробежали мурашки. – Давненько не виделись...

– Да, давненько, – с неприятной сухостью в горле ответил я, кивком головы предлагая своему бывшему командиру пройти в дальний угол храма. Я уже понял, что наша се-

годняшняя встреча с командиром спецподразделения ВДВ «Белый барс» не случайна, а значит, разговор предстоит долгий. Я слишком хорошо знал Корнача, чтобы поверить в непреднамеренность столь неожиданного посещения. И то, что в глазах полковника я не прочел удивления при встрече с бывшим капитаном спецназа, в настоящий момент носящим рясу священника, еще раз служило тому доказательством.

Мы обогнули алтарь, я отодвинул в сторону тяжелую, вышитую золотом штору и пропустил полковника в маленькую комнатку. Потом зашел следом и снова задернул ткань. Мы были одни.

– Присаживайтесь.

Я показал на два стула, обитых потертым бархатом, и подождал, пока Корнач сядет. После чего опустился рядом.

– Ну, как у вас дела... отец Павел?

В голосе Корнача не было никакой иронии относительно моего нынешнего статуса. Я ответил ему так же спокойно, как он спросил.

– Служу Господу нашему по мере сил своих. Была жена, мог бы быть ребенок, но теперь их нет. Я один... – Не возникло сомнений, что относительно постигшей меня пять лет назад утраты Корнач был осведомлен, поэтому я не стал играть с ним втемную. – А вы, товарищ полковник, каким ветром занесло вас в храм Божий?

– Попутным, Владислав Александрович, попутным, – едва заметно кивнул Корнач. – Если гора не идет к Магоме-

ту... – Видимо, заметив мой настороженный взгляд, гость поспешил успокоить: – Нет, я не для того пришел, чтобы просить тебя изменить сделанному ранее выбору, отказаться от духовного сана и вернуться в войска. Понимаю, что это невозможно... Ну а насчет «товарища полковника», – Корнач несколько оживился, – вы, отец Павел, ошибаетесь. Перед вами – генерал-майор Федеральной службы безопасности! Вот такие дела... Не удивлены?!

– На все воля Божья. – Я поднял руку и медленно перекрестился. – И как служба?

– Нормально, – усмехнулся генерал. – Могло бы быть еще лучше, но это только в том случае, если кое-кто из моих хороших знакомых согласится оказать нам посильную помощь.

– Я больше в эти игры не играю, генерал... – Я поднялся, подошел к шторе, отделяющей комнату от основного церковного помещения, и остановился, не сводя с Корнача глаз. – Так что если ваша переименованная организация хочет пойти по стопам предшественницы и создает сеть «своих» священников в молитвенных домах, то вы пришли не по адресу. В нашем храме служат Господу, а не государству и его спецслужбам.

– Подожди, Владислав, сядь! – В голосе генерала прозвучала досада. – Я же тебе русским языком объяснил – в этом смысле ты мне не нужен, понимаешь? Здесь совсем другое дело. Выслушай меня – и увидишь, что я говорю правду. Да сядь ты, в конце концов! И извини, что говорю с тобой в та-

ком тоне. Просто иначе у меня не получается. Курить здесь можно? Нет? Ну и черт с ним! Ладно, прости, вырвалось случайно. – Корнач спрятал вынутые было сигареты обратно в карман плаща, взглядом «усадил» меня напротив и продолжил: – Послушай меня и, пожалуйста, вникни в суть того, о чем я сейчас расскажу. Готов?

– В шесть часов вечера у меня служба, – сообщил я, посмотрев на висящие на стене старинные часы.

– Уложимся, – сухо отрезал генерал и приступил к изложению дела, ради которого он встретился со мной после шестилетнего перерыва. – Для начала немного о законах... Не знаю, известно тебе или нет, но после вступления в Совет Европы наше государство обязалось в ближайшем будущем отменить смертную казнь как высшую меру наказания за особо тяжкие преступления. Она будет заменена на пожизненное тюремное заключение. Фактически же у нас не расстреливают уже с прошлого года. Большинство судов вообще стараются не давать подсудимым «вышку»!.. Ну да ладно, это уже не наше дело... Суть в другом. Сейчас уже существует тюрьма, где сидят те, кого ранее приговорили к смерти, но потом приказом президента помиловали. Она находится в самом глухом месте Вологодской области, на острове посреди лесного озера. До революции там находился мужской монастырь. При советской власти монастырь разогнали, а в его стенах оборудовали тюрьму. Пока это была просто тюрьма – ее охраняли солдаты из внутренних войск. Сейчас – специ-

альное подразделение «Кедр». Слышал о нем?

– Про монастырь – да. Про тюрьму и «спецов» – нет.

– В общем, этот остров и раньше-то был неприступной крепостью, а сейчас и подавно. Для сотни убийц эти стены теперь стали последним пристанищем. Представляешь, какие мысли посещают преступников, особенно тех, которым сейчас двадцать пять или тридцать?!

– Да уж...

– Так вот, некоторые заключенные, осознавшие, что в этой жизни ничего хорошего им больше не светит, все чаще стали обращаться к Богу. В принципе это можно понять, – усмехнулся Корнач. – Должны же даже последние сволочи хоть когда-нибудь раскаяться за содеянное! Конечно, там отнюдь не все такие... Есть и настоящие звери! Но с ними разговор особый. Мы же с тобой сейчас ведем речь о тех, остальных... В общем, они начинают просить, чтобы в тюрьму прислали священника. Мы, ну, я имею в виду нашу организацию, в принципе не против этого. Лучше Богу молиться, чем перекусывать себе вены или кидаться на охранников. Начальник тюрьмы тоже не против. Так что осталось дело за малым... – Генерал посмотрел мне прямо в глаза и вдруг резко и как-то неожиданно прямолинейно спросил: – Ты поедешь на Каменный, отец Павел?!

Как только Корнач начал разговор о тюрьме, я сразу же подумал о чем-то подобном. Однако столь конкретное предложение моего бывшего командира застало меня врасплох.

Я растерялся.

– Почему именно я? Неужели не нашлось более опытного и подготовленного в духовном плане священника...

– Не в этом дело, Влад, – почти деликатно перебил генерал меня. – Да и насчет опыта ты сам на себя наговариваешь. Я слышан, что во многом благодаря тебе в этот храм ходит так много народу. Значит, есть в отце Павле что-то такое, что после общения с ним оставляет в сердцах людей радость и надежду. Так что в духовном плане, как мне кажется, проблемы не существует... И если уж разговор у нас с тобой пошел честный и откровенный, то скажу прямо – как только я узнал, что принято решение направить на Каменный священника, я сразу же подумал о тебе. И вот почему. – Повинуясь привычке, Корнач снова достал из кармана плаща пачку сигарет, но, спохватившись, немедленно убрал ее назад, тяжело вздохнув. – Во-первых, ты, Владислав, мой старый боевой товарищ и я хорошо тебя знаю, – принялся загибать пальцы генерал, глядя мне в глаза. – Во-вторых, ты действительно хороший священник, именно такой, который сможет работать с... гм... весьма специфическим контингентом монастырской тюрьмы. Ну и в-третьих, и это плавно вытекает из предыдущего пункта – ты как-никак все-таки бывший офицер спецназа ВДВ, прошедший специальную подготовку, и, случись что, сможешь за себя постоять... И пожалуйста, не надо мне доказывать, что это не имеет к данному делу никакого отношения! На Каменном сидят не люди – звери!

Ведь если кто-то, а таких, как я понимаю, будет немало, захочет тебе исповедаться, то ведь не станет он этого делать в присутствии охранников! Вы останетесь с ним в камере один на один. А что, если для этого зверя исповедь – только предлог, чтобы, уже имея пожизненное заключение, удовлетворить свою звериную жажду крови и доставить себе удовольствие свернуть шею доверчивому попу?! Или ты считаешь такие меры предосторожности напрасными?

– Возможно, вы и правы, генерал, – я не нашел против слов Корнача весомых контраргументов, – но мне как-то с трудом верится, чтобы все, о чем вы сейчас говорили, было единственной причиной, по которой вы остановили свой выбор именно на мне. Ведь правда, товарищ генерал? Есть еще что-то, что я должен буду делать для вас и вашей организации?

– Узнаю капитана Аверина, – чуть улыбнувшись, покачал головой Корнач. – Да, есть еще кое-что, но чисто символически... Понимаешь, Влад, любая тюрьма – это отдельный, замкнутый мир, в котором царят свои законы не только среди заключенных, но и среди охраны и ее руководства. На зоне, огороженной колючей проволокой и наблюдательными вышками, хозяевами жизни являются двое: начальник лагеря и – «пахан». Эти люди поодиночке или, что случается довольно часто, по взаимной договоренности вершат там свое личное правосудие над охранниками и зэками. Одного их слова достаточно, чтобы огромного здоровяка сделать «петухом», а

всем известного «стукача» оградить от нависшего над ним призрака расправы... – Корнач мельком взглянул на часы. До шести оставалось еще двадцать минут. – На Каменном же все совсем иначе. Там иные условия, иные порядки, иные секреты. И хозяин только один – полковник Карпов. Еще кое-какие вопросы зависят от командира охранного подразделения «Кедр» майора Сименко. И в отличие от остальных, так сказать «обычных», мест лишения свободы, отслеживать обстановку в монастыре достаточно сложно. Вот почему я бы очень хотел, чтобы среди тех, кто постоянно находится на острове, был человек, которому можно верить на слово, зная, что он никогда в жизни тебя не обманет... Он не должен быть соглядатаем, не должен писать отчетов, ему не нужно регулярно сообщать о всякой ерунде или небольшом превышении власти со стороны охраны, без чего, как ты сам понимаешь, не обходится ни одна тюрьма. Тем более если «твой» контингент на сто процентов состоит из убийц, на совести которых подчас десятки человеческих жизней. В этом случае перегибы идут даже на пользу. И, что самое главное, совершенно ни к чему рассказывать мне о тайнах, которыми поделились на исповеди некоторые заключенные... Просто я хотел, чтобы кто-то приглядывал за обстановкой. Так, на всякий случай. В случае чего, сам разберешься, как себя вести. Все, что я сказал, можно считать напутствием или пожеланием, не более того. Я достаточно точно изъясняюсь, отец Павел?

– Вполне.

– И какое будет решение? – глухо, понизив голос, спросил Корнач. Я заметил, как напряглись его скулы.

– Мне нужно время, чтобы все обдумать. А сейчас, извините, я должен переодеться для службы. Уже без четверти шесть.

– Ладно, ухожу. – Корнач встал со стула и подошел к висящей на входе тяжелой шторе. – У меня есть телефон вашего храма. Завтра, в десять ноль-ноль, я позвоню тебе. К тому времени ответ должен быть готов. И... вот еще что, отец Павел. Я пойму и не обижусь, если... вы откажетесь от моего предложения. Всего доброго!

– Храни вас Господь, – перекрестил я уходящего генерала и, как только он вышел, стал переодеваться. Но мысли мои еще долго находились где-то далеко от предстоящей службы. И лишь когда тишину храма нарушили голоса церковного хора, я снова вернулся в действительность.

На следующее утро, после бессонной ночи, я дал Корначу согласие стать настоятелем церкви на острове Каменном. Потом сообщил о своем решении отцу Сергию и был немало удивлен тем спокойствием, с которым пожилой священник воспринял это известие. Возможно, здесь не обошлось без «помощи» генерала ФСБ Корнача. Впрочем, я предпочел не уточнять. Корнач, как оказалось, уже заранее подготовил все необходимые документы, видимо, ни капли не сомневаясь, что я соглашусь на сделанное им предложение о

«перемене места работы». Проблем бумажного плана не возникло. Единственное, что мне пришлось сделать самостоятельно, – это сфотографироваться и передать генералу четыре цветные фотокарточки формата три на четыре. Вскоре он сам заехал ко мне домой с папкой, содержимое которой выложил на стол, и принялся объяснять назначение того или иного документа. Большинство из них касалось всевозможного «неразглашения», «допуска» и прочих неизбежных при переводе в режимное заведение формальностей.

– А это на десерт. – Генерал положил передо мной билет на самолет до Москвы и на поезд – от Москвы до Вологды. Поймав мой недоуменный взгляд, Корнач коротко добавил: – Так надо. Дело в том, что вас, отец Павел, пригласили для беседы в Патриархию. Думаю, для вас это будет интересно и полезно. Послезавтра в восемь тридцать утра будьте добры прибыть на регистрацию в аэропорт «Пулково». А на всякий случай рекомендую запомнить номер телефона в Санкт-Петербурге. – И генерал продиктовал семизначную комбинацию, состоящую исключительно из единиц и пятерок. Такие номера запоминаются сразу.

– В Москве вас встретит человек из Патриархии, а в Вологде – парни из «Кедра», – сообщил в заключение Корнач. – И помните, отец Павел, все, что я говорил раньше, – только просьба, и ничего, кроме просьбы! В общем, сами ориентируетесь.

В назначенный час я прошел регистрацию, сел в самолет и

спустя полтора часа уже был в Москве. А еще через несколько часов в главной резиденции Русской православной церкви со мной беседовал митрополит Константин.

Вечером того же дня я сел в вагон СВ скорого поезда Москва – Вологда, где познакомился с веселым толстяком, представившимся мне начальником строительства. Я даже не подозревал тогда, что мой попутчик специально откомандирован генералом Корначем для сопровождения «объекта». У ФСБ, как известно, свои правила и привычки...

Глава 5

Микроавтобус, обогнув холм, так же как и все вокруг, поросший высокими корабельными соснами, выехал на короткую прямую дорогу – окончание длинной и томительной грунтовки. За ней серым стальным зеркалом сверкнула гладь лесного озера. Проехав еще сто метров, мы остановились перед длинным бревенчатым мостом, отделяющим расположенный в центре озера остров от окружающего его со всех сторон леса. Я внимательно огляделся по сторонам. И озеро, по форме своей напоминающее каплю, и мрачные грязно-белые стены монастыря навевали какую-то щемящую грусть. Создавалось впечатление, что здесь остановилось время.

– Приехали, – буркнул майор Сименко, смерив меня недоверчиво-снисходительным взглядом. – Как спалось, батюшка? Не трясло?

– Спасибо. Все в порядке, – сухо ответил я.

– А вы, отец Павел, между прочим, прибыли как раз вовремя! Сегодня утром один маньяк уже в который раз пытался перегрызть себе вены. Сначала, как только его к нам привезли, он все время выл, ползал по полу на коленях, бился головой о стену, отказывался есть и постоянно просил, чтобы его пристрелили. А сейчас вот уже пятый месяц после каждой попытки самоубийства хочет излить душу попу. Ну, священнику то есть, – поправился Сименко. – Бедняга

доктор, этот мерзавец его совсем доканал! Так что вам уже сегодня придется навестить выродка и отпустить ему все его грехи. – Сименко усмехнулся. – Не возражаете? Это пожелание начальника тюрьмы.

– Успокаивать страждущих – моя святая обязанность, – как можно спокойнее произнес я, глядя в глаза майору. – А насчет грехов мы поговорим с их хозяином...

– Вот и замечательно! – ответил Сименко и повернулся к водителю. – Давай, Дима, жми на гашетку!

Наш автобус заполз на деревянный мост, отделяющий берег от больших металлических ворот тюрьмы. Я смотрел на неприступные монастырские стены и думал о том, что, когда монахи закладывали в этих непролазных чащобах, вдали от людских поселений, монастырь, они вряд ли предполагали, что когда-нибудь мир встанет с ног на голову и в бывших монашеских кельях будут доживать в неволе свой век самые страшные преступники.

Подъехав к воротам, автобус остановился у нанесенной на мосту красной линии с огромной надписью «стоп». Спустя несколько секунд массивные стальные ворота плавно поползли вверх, открывая моему взору ярко освещенное лампами дневного света помещение тюремного «шлюза». Такие каменные мешки существуют только при въезде на территорию строго охраняемых секретных объектов. Подождав, пока ворота не останутся в верхнем положении, сидящий за рулем охранник плавно загнал автобус внутрь «шлюза», по-

сле чего заглушил двигатель. Все, в том числе и сам начальник охраны, оставались сидеть на своих местах. Я бросил взгляд по сторонам и сразу же заметил два красных «глазка» работающих видеокамер. Когда стальные ворота за нами снова опустились, открылась одна из двух металлических дверей, находящихся в стенах каменного мешка. Из нее вышли шестеро высоких крепких парней, удивительно похожих друг на друга. В руках каждого из них был короткоствольный автомат, а на поясе – баллон с нервно-паралитическим газом. Одеты они были в черные униформы без погон, очень напоминающие форму морской пехоты. Лица их, как того и требовала инструкция, закрывали черные спецназовские маски. Они встали вокруг автобуса, подняв автоматы и направив их на нас. Один из парней заглянул в салон. Все охранники «Кедра» знали, что в автобусе нет посторонних, однако инструкция неумолимо требовала соблюдения строжайших правил проверки всех въезжающих на территорию спецобъекта лиц и транспортных средств.

– Все в порядке, Стас, – махнул рукой в мою сторону майор. Своих подчиненных он, видимо, узнавал даже в масках. – Здесь только мы и отец Павел.

Сименко взял документы, переданные мной ему раньше, и протянул их охраннику. Тот мельком пролистал несколько бумажек, сравнил мое лицо с наклеенной на них фотографией, кивнул: «все в порядке», и дал знак кому-то, кто наблюдал за происходящим по видеомонитору, чтобы откры-

ли вторые ворота. Плоская громада внутренних ворот медленно поползла вверх. Охранники, опустив автоматы, приняли расслабленные позы. Четверо из них вернулись обратно в ту же дверь, из которой вышли, а двое других направились вслед за тронувшимся с места микроавтобусом.

Покинув «шлюз», мы выехали на просторный внутренний двор тюрьмы и остановились возле двухэтажного кирпичного здания, примыкающего к монастырской стене. И почти сразу же нам навстречу вышел из крашенной бежевой краской двери невысокий коренастый мужчина лет пятидесяти в зеленой форме. На плечах его были погоны с тремя большими желтоватыми звездами. Как я догадался, это и был начальник «спецобъекта» полковник Карпов.

– Приветствую, отец Павел, – сухо поздоровался начальник тюрьмы, недоверчиво взглянув мне в глаза. – Моя фамилия Карпов. Олег Николаевич Карпов. Майор уже сообщил вам о заключенном номер сто двадцать один?

– Да, я готов встретиться с ним прямо сейчас.

– Тогда отдайте чемодан водителю, а сами следуйте за мной, – кивнул полковник, открывая передо мной дверь. «Отдайте водителю», видимо, следовало понимать как «оставьте в автобусе». Я именно так и сделал. А потом в сопровождении одного из встречавших нас вооруженных парней направился вслед за Карповым.

Мы поднялись на два пролета по узкой каменной лестнице и вышли в длинный коридор, ярко освещенный лампами

дневного света. Свет, яркий, режущий глаза, был повсюду, в отличие от обычных тюрем, в коридорах которых, насколько я был осведомлен, царил неизменный полумрак. Я догадался, почему дело на Каменном обстояло именно так. Видеокамеры – ими было напичкано все!

– Это больничный блок, – показывая рукой на три металлические двери, мимо которых мы проходили, ровным голосом сообщил Карпов. – Когда кто-то из заключенных заболевает, мы помещаем его сюда. Позже я познакомлю вас с нашим доктором... – Полковник достал из кармана маленький пластмассовый пульт и, направив его на преграждавшую коридор железную решетку, нажал на одну из кнопок. Щелчок открываемого электрического замка в окружающей нас тишине прозвучал неожиданно громко. Охранник прошмыгнул вперед и распахнул тяжелую решетчатую дверь.

– А если болезнь серьезная, что тогда? – спросил я, проходя сквозь «клетку».

– Тогда... – Карпов на секунду замялся, – тогда мы отправляем заключенного в областную тюремную больницу. Но до сих пор такое случалось лишь однажды. Как ни крути, там нет такой охраны, как здесь. Достаточно выглянуть сквозь зарешеченное окно в палате, чтобы увидеть на горизонте жилые дома. Для пожизненника это более чем шок. Так что со всеми болезнями наших заключенных, кроме некоторых инфекционных, мы предпочитаем справляться на месте. Благо доктор у нас опытный... – Карпов усмехнулся. –

Нам направо. Как доехали, отец Павел? – неожиданно пере-
менил он тему. – Как Москва?

– Нормально. А что вы можете мне сказать про заключен-
ного номер сто двадцать один? Майор мне сообщил, что у
него это не впервые...

– А что рассказывать? – пожал плечами Карпов. – Убийца,
сексуальный маньяк, за плечами у него семь зверски убитых
женщин. Такие, как он, подонки, попадая в камеру смертни-
ков, сразу же начинают размазывать слюни и выть, что ни в
чем не виноваты! У них даже не хватает духа смириться со
своей участью...

– А что, есть смирившиеся?

– Есть. Вы еще успеете с ними познакомиться, – снова
усмехнулся начальник тюрьмы, нажимая на кнопку пульта и
открывая металлическую решетку.

– Скажите, полковник, а почему здесь не видно охраны?
Мы прошли уже два коридора.

– Нашим ребятам незачем слоняться взад-вперед, как
надзирателям-прапорщикам из СИЗО. Везде установлены
видеокамеры. К тому же здесь заключенных нет. В этой
части находятся больница, кухня, имущественный и про-
дольственный склады, библиотека. Монастырь слишком
большой, отец Павел, а в настоящий момент у нас чуть
больше сотни «клиентов» и около тридцати человек охра-
ны. Правда, в скором времени, думаю, ожидается увеличе-
ние числа «клиентов» и соответственно охраны. Все запад-

ное крыло до сих пор пустует.

– Эти... люди, что находятся здесь, они работают?

– Конечно. Некоторые, правда, отказываются это делать.

Но на сей счет у нас есть утвержденная департаментом мест заключения инструкция, которая разрешает использовать особые методы убеждения.

– Какие же? Избиение? Принудительная голодовка? Или, может быть, карцер с водой?

– Всякие, отец Павел, всякие! – хмыкнул Карпов. – Все зависит от конкретного случая. Разные люди, разные методы. Главное, чтобы результат был...

– И в чем заключается работа, выполняемая заключенными?

– Вот мы и пришли, – проигнорировав мой последний вопрос, произнес полковник.

Мы приблизились к концу коридора. За очередной железной решеткой находилась выкрашенная в зеленый цвет дверь, с большим «глазком» посередине.

– Здесь начинается тюремный блок, – сообщил, нажимая на кнопку пульта, полковник. – Всего их два. Второй находится этажом выше. Там сидят наиболее смирные. А те, что здесь, – от них можно в любой момент ждать сюрпризов!

Мы прошли решетку. Тут же щелкнул замок в зеленой двери, и она распахнулась. В проеме стоял здоровенный охранник.

– Как сто двадцать первый, Дима? – поинтересовался, не

глядя на охранника, Карпов.

– Доктор все еще у него, товарищ полковник, – сообщил парень, захлопнув за мной дверь.

Охранник присоединился к нам, разглядывая меня с неприкрытым любопытством. Не каждый день на Каменном появляется человек в рясе священника. Несколько впереди, возле одной из железных дверей, стоял еще один кедровец, высокий светловолосый громила с лицом профессионального киллера. Он тоже посмотрел на меня с удивлением. Полковник остановился и сразу же посмотрел на меня.

– Честно сказать, отец Павел, я не знаю, как должна проходить встреча сексуального маньяка со священником. Здесь ваша вотчина. И хотя в отличие от многих других заключенных этот – совершенно безобидный в плане возможной агрессии, но я все-таки рекомендовал бы вам взять одного из ребят. Так, на всякий случай.

– Спасибо, полковник, но в таком случае встреча становится бесполезной. Что же касается агрессивности, то можете за меня не беспокоиться. Господь не допустит, чтобы кто-либо из этих людей поднял руку на священника. – Я перекрестился. – Но, конечно, пусть кто-нибудь из охраны будет неподалеку.

– Дело ваше, отец Павел, – пожал плечами Карпов. – Формально я не несу за вас ответственности. У нас, как известно, церковь от государства отделена. Поступайте, как считаете нужным. Охрана будет рядом. Там, в камере, возле две-

ри, есть звонок. Нажмите его, в случае чего. Саша, открывай! – Полковник кивнул парню, и тот, шагнув к стальной двери, повернул ручку двери один раз вправо, один влево и еще дважды вправо. Дверь камеры номер сто двадцать один медленно открылась, и я вошел внутрь.

Прислонившись спиной к стене, на стоящей в углу камеры кровати полусидел-полулежал необычайно худой человек. Он был одет в серо-черную полосатую робу. Его волосы были похожи на паклю, лицо выглядело совершенно безжизненным из-за кожи цвета пергамента. Глаза, отрешенно смотрящие куда-то перед собой, в одну точку, были почти бесцветными. Плотно сжатые, прокусанные до крови синюшные губы медленно подрагивали. Заключенный сидел на съехавшем набок матрасе, обнажавшем металлический лежак кровати, и тихо поскуливал. Левый рукав его полосатой робы был закатан, а на его желтоватой руке белым пятном выделялась только что наложенная тугая повязка. На каменном полу лежали стянутые с постели одеяло и подушка, перепачканные кровью.

Рядом с кроватью, спиной ко мне, стоял невысокий коренастый человек и укладывал в чемоданчик медицинский жгут и пузырьки. Он был одет в короткий белый халат явно не первой свежести. Услышав щелчок открывшегося замка, человек обернулся и посмотрел на стоящих по ту сторону дверного проема людей. Движением указательного пальца он сдвинул на кончик носа очки и обратился к полковнику Кар-

пову, все еще стоящему в дверях камеры.

– С ним все в порядке, – мгновенно переведя взгляд на меня и как-то довольно хамовато улыбнувшись, доктор про-
бормотал, не переставая ковыряться в чемоданчике: – А вы
и есть тот самый священник, которого прислали для на-
ших изуверов и потрошителей? Ну что ж, добро пожаловать
на Каменный. Здесь весьма веселенькое местечко, уверяю
вас... Кстати, меня зовут Семен Аронович.

– Отец Павел. – Я подошел ближе к кровати. – Что с ним?

Глаза заключенного пришли в движение и замерли, оста-
новившись на висящем у меня на груди серебряном кресте.
Лицо его неожиданно приобрело осмысленное выражение,
он даже попытался приподняться на локтях, но, видимо, был
настолько слаб, что в конце концов остался лежать в прежней
позе, прислонившись плечами к холодной каменной стене.

– Пятая попытка самоубийства за год, – спокойно, словно
речь шла о погоде, сообщил доктор, ростом не достигающий
мне и плеча. – И зачем только его помиловали, а? Уж луч-
ше бы расстреляли или отправили на урановые рудники... –
Закрыв чемоданчик, доктор встретился со мной взглядом и
усмехнулся. – Может, вам повезет, и этот маньяк наконец-то
перестанет меня дергать в самые неподходящие моменты.

Подмигнув мне на прощание, маленький доктор взял свой
чемоданчик и направился к двери, оставляя меня один на
один с полуживым человеком в полосатой робе, который все
еще продолжал, не мигая, смотреть на мой крест.

– Вы запомнили, отец Павел? – донесся до меня голос полковника Карпова. – Если что – нажмите на кнопку. Когда закончите, Саша проводит вас в мой кабинет.

В дверном проеме снова появилась физиономия невозмутимого охранника, вслед за чем тяжелая стальная дверь захлопнулась.

Глава 6

– Вы... действительно... священник?

– Что? – Я не ожидал, что человек, замороженно смотрящий на мой крест, так быстро «оттает». Он зашевелился.

– Я спрашиваю – вы настоящий священник или один из них, специально переодетый?

– Я самый настоящий священник. Меня зовут отец Павел. Еще позавчера я крестил новорожденных детей в храме Святой Троицы в Санкт-Петербурге.

– Да?! Тогда, если вы настоящий, то скажите мне, что говорится в Евангелии от Матфея, стих шестой, псалом пятнадцатый?

Я заметил, с какой неприкрытой надеждой смотрит на меня этот дрожащий то ли от холода, вызванного большой потерей крови, то ли от страха обмануться в своих надеждах, изможденный и уставший человек.

– «А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших». Так?

Я подошел ближе и опустил на край кровати. Какое-то время зэк со страхом смотрел на меня, покусывая потрескавшиеся синие губы, а потом громко вздохнул и пробормотал:

– Не может быть... Нет... Не может такого быть...

– Я ошибся?

– Нет, нет! Просто... – Он весь как-то сжался, подогнув

острые колени к груди, а потом вдруг опустил на них голову и опять тихо заскулил. Потом немного успокоился и прошептал: – Просто я уже не верил, что они действительно... Что вы... Что вы все-таки приедете в это страшное место! Вы пришли, чтобы мне помочь, да? – Заключенный поднял голову и затравленно посмотрел мне прямо в глаза. – Тогда вы должны знать, что я не убивал!.. Я не убивал ни одной из тех женщин, за которых меня осудили на смертную казнь!.. Я невиновен!

Какое-то время мы оба молчали, глядя друг другу прямо в глаза и, видимо, пытаясь прочесть в них что-то особенное. В глазах зэка я, однако, увидел лишь животный страх, а он наверняка прочел в моих недоверие. Я тяжело вздохнул и медленно покачал головой:

– Нехорошо, сын мой, начинать беседу со священником с обмана.

– Значит, и вы... отец Павел, – мгновенно сникнув, прошептал себе под нос зэк. – Мне никто не верит! Никто! С той самой минуты, как я выбежал из этих проклятых кустов!

Что-то горячее моментально взорвалось у меня в голове. Сердце учащенно забилося. Я еще не успел полностью сообразить, что же в словах этого немого, жалкого убийцы так сильно задело мою душу, как память мгновенно включила свой кинопроектор. Я снова видел Вику, лежащую на белой каталке в морге Центра судебно-медицинской экспертизы, ее неестественно белое, словно перепачканное мелом,

лицо...

– Как... твоя фамилия? – произнес я глухим голосом, инстинктивно сжав кулаки.

– Заключенный номер сто двадцать один! – с вызовом и неприкрытой злостью выплюнул в меня зэк. – У меня нет фамилии! Есть только номер! – Неожиданно он расслабился и снова тихо пробормотал: – Но я не убивал! Никого не убивал! Скажите, отец Павел, за что мне такие муки, а?! Почему Бог, который должен быть милосердным и справедливым, позволяет, чтобы невинные люди шли на муки вместо настоящих подонков?!

Зэк снова замолчал, сжав искусанные до крови губы и закрыв глаза. А я, все еще ошарашенный возникшей у меня в голове догадкой, продолжал разглядывать его желтое дряблкое лицо. И чем больше я всматривался в него, тем сильнее убеждался, что вижу перед собой именно того выродка, который несколько лет назад так вероломно и беспощадно уничтожил мою любовь, мое счастье, мое будущее... За время пребывания в тюрьме он страшно похудел и постарел как минимум вдвое. Но все-таки это был именно он. Приговоренный к смертной казни убийца и насильник Скопцов, на счету которого семь загубленных жизней. Видимо, адвокату Зубову в конце концов удалось добиться того, чтобы расстрел этого изувера заменили на пожизненное заключение.

Господи, за что ты так наказываешь меня?! Ты всегда и везде учишь нас прощать наших обидчиков, но подумай, как

я могу простить этого монстра, который погубил мою маленькую, беззащитную Вику и нашего неродившегося ребенка!

Зэк зашевелился, открыл глаза и спросил:

– Отец Павел, скажите, может, все это просто хорошо придуманная сказка? Может, нет никакого Бога и никогда не было, а все эти заповеди – просто плод больного воображения самоустранившегося от жестокой борьбы за жизнь отшельника, которого такие же, как он сам, неудачники после его смерти провозгласили мессией, а? Ударят по правой щеке – подставь левую! Проще верблюду пройти через угольное ушко, чем богатому попасть в рай! Значит, человек, который всю жизнь работал, должен все отдать бездельникам? Возлюби врага своего как себя самого... Прямо какой-то мазохизм! А чего стоит только: «Каждому воздастся по делам его»?! Почему же тогда в жизни все происходит наоборот? Самые отъявленные негодяи и убийцы спокойно гуляют на свободе, жрут, пьют, лопаются от удовольствий, а рядовые честные люди вынуждены прозябать в нищете или, как я, отвечать за то, чего они никогда в жизни не совершали?

Нечеловеческим усилием воли я заставил себя разжать словно налившиеся сталью кулаки и поднять правую руку для того, чтобы перекреститься.

– Значит, твоя фамилия Скопцов? Тот, кто изнасиловал и убил семь женщин, в том числе и одну беременную? – Я с трудом подбираю слова, пытаюсь держать себя в руках. До-

статочно было одной язвительной реплики, одного неосторожного движения зэка, чтобы я позабыл и о своем сане священника, и обо всем остальном на свете. С неприятным ощущением в душе я понял, что вот уже много лет ничего так не желал, как лично расквитаться с подонком за то зло, что он принес в мою жизнь. Я понимал, что для меня наступил тот самый переломный момент, о котором меня давно предупреждал отец Сергей, еще задолго до того, как я подошел к нему и завел разговор о с трудом сдерживаемой антипатии к посещающим наш храм бандитам. Тогда мой духовный наставник сказал, что не здоровые нуждаются во врачах, но больные, и я не мог с ним не согласиться. Я всеми силами старался побороть в себе то постоянно гнетущее чувство безразличности, когда видел в храме бритоголовых отмороженных, ставящих свечи Николаю Угоднику. Время шло, и мне стало казаться, что я излечился от этой «болезни» неприятия. Выходит, я лишь загнал ее в глубь себя...

– А-а, так, значит, вы уже слышали о моем деле?! – с дрожью в голосе протянул Скопцов, и я увидел, как на его тощей шее несколько раз дернулся кадык. – Да, действительно, трудно поверить, что человек, которого так опутали со всех сторон уликами, на самом деле ничего подобного не совершал. Будь я следователем или судьей, то сам бы ни за что не усомнился, что передо мной и есть тот самый маньяк-насилльник, смерти которого так желал тогда весь Питер! Я слышал, что до тех пор, пока не поймали настоящего

Чикатило, нескольких человек поставили к стенке в полной уверенности, что каждый из них и есть тот самый неуловимый убийца... Что потом, после поимки настоящего маньяка, сказали менты родственникам расстрелянных?! «Извините, мы ошиблись»? – Скопцов заскрипел зубами и замотал головой. – Неужели мне придется до конца дней жить в этом каменном мешке, каждую минуту проклиная тот роковой момент, когда я захотел справить нужду в кустах Покровского парка! Если бы вы знали, отец Павел, какая это мука!

Что-то странное шевельнулось у меня внутри. Что-то, после чего я почувствовал слабое, отдаленное подобие облегчения. Я даже сам испугался этого чувства. Господи, неужели я начинаю верить этому кровавому изуверу?

– Стало быть, ты... невиновен? – чуть шевеля губами, произнес я, сильно сжав правой рукой висящий на груди крест.

– А кого теперь это интересует? – так же тихо прошептал Скопцов, снова опуская голову на поджатые к животу колени. – Меня все предали... И друзья, и родственники. Все! – Он приподнял лицо и посмотрел на меня. – Знаете, отец Павел, как страшно я жалею о том, что позволил адвокату написать прошение о помиловании. Лучше бы меня расстреляли. Это куда гуманнее, чем сидеть здесь и годами ждать смерти, моля, чтобы она наступила как можно быстрее!..

– Самый большой грех – разочарование в Господе на-

шем, – произнес я, стараясь не смотреть на сидящего рядом со мной зэка. – Если мы говорим, что имеем общение с Богом, а сами ходим во тьме, то мы лжем и не поступаем по истине. Если говорим, что не имеем греха, – обманываем самих себя, и истины нет в нас. Если исповедуем грехи наши, то Он простит нам их и очистит нас от всякой неправды...

Я встал и медленно направился к двери, желая как можно скорее оказаться подальше от этой камеры и от этого страшного человека. Я находился на грани срыва. А что, если он и вправду невиновен?.. Нет, не может быть! Я уже поднял руку, чтобы нажать на кнопку звонка, когда за моей спиной слышался шорох, а потом я почувствовал, что не могу двинуться с места. Обернувшись, я увидел, что Скопцов, еще несколько секунд назад сидевший на кровати, сейчас стоит на коленях и держит в обеих руках полы моей рясы.

– Батюшка!

Он поднял на меня глаза, и я увидел, как из его почти бесцветных глаз текут слезы. Заключенный не скулил, не рыдал. Он просто смотрел на меня, а слезы текли у него по щекам.

– Отец Павел, вы еще придете ко мне?! Я не могу так больше... Я устал быть один... Мне страшно... Если вы не придете завтра, я снова перегрызу себе вены.

Похоже, этот отчаявшийся зэк начинал меня шантажировать.

– Приду... сын мой, – с трудом выдавил я из себя. – Но в тюрьме еще много заключенных, которым, как и тебе, нуж-

на духовная поддержка. Не обещаю, что мы увидимся в ближайшие дни. Но отныне я постоянно буду находиться на Каменном, так что возможность поговорить у нас еще будет. Только ты должен обещать мне... что больше не станешь пытаться наложить на себя руки. Это грех, великий грех, который не может быть прощен или оправдан.

– Я обещаю! – затряс головой Скопцов. – Обещаю! Только вы заходите почаще, отец Павел, ладно?..

– На все воля Божья... сын мой.

Привычным движением я поднял руку и, испытывая незнакомое до сих пор внутреннее смятение, перекрестил стоящего на коленях зэка, а потом, подождав, пока его разжавшиеся пальцы отпустят край моей одежды, нажал на звонок.

Дверь камеры почти сразу же открылась, и я увидел стоящего возле нее светловолосого охранника в черной униформе.

– Все в порядке? – казенным тоном спросил парень, взглянув на всё еще стоящего на коленях Скопцова. Я молча кивнул и вышел в коридор.

Охранник захлопнул дверь и закрыл замок.

– Полковник ждет вас у себя в кабинете, – напомнил он мне. – Это этажом выше и в другом крыле здания. Я провожу.

Я шел по бесконечному лабиринту лестниц и коридоров в сопровождении светловолосого кедровца, а перед моими

глазами по-прежнему стояло лицо Скопцова со скатывающимися по щекам ручейками слез. А что, если сидящий в камере номер сто двадцать один заключенный действительно невиновен, а настоящий убийца Вики до сих пор разгуливает на свободе и лишь затаился на время? Нет, это невозможно...

Глава 7

Кабинет начальника тюрьмы был совсем не похож на то, что я ожидал увидеть за тяжелыми лакированными дверями. Просторный, с широким окном, из которого открывался великолепный вид на озеро и лес, он был выстлан ковролином и обклеен бежевыми обоями «под рейку». Над кожаным диваном с примыкающим к нему журнальным столиком висела огромная копия картины Айвазовского «Девятый вал».

На огромном массивном столе Карпова свободно помещались компьютер, телефон, факс, настольная лампа дневного света и ворох всевозможных бумаг и документов, разложенных в одном хозяину ведомом порядке.

Карпов сидел, откинувшись на высокую спинку кожаного кресла, и задумчиво смотрел на свинцово-серую водную гладь озера.

– Уютно здесь у вас, товарищ полковник... – вывел я его из задумчивости.

Карпов перевел на меня взгляд и молча кивнул, жестом предлагая присаживаться. Я опустился в кресло напротив его необъятного стола и тоже невольно залюбовался тем замечательным видом, что открывался из кабинета. Полковник перехватил мой взгляд, усмехнулся и спросил, слегка прищутив глаза:

– Вам ничего не кажется здесь странным, отец Павел?

– Меня удивляет, что на окне нет решетки, – ответил я. Лицо полковника изумленно вытянулось.

– Вот уж не ожидал, что вы сразу же обратите на это внимание! Да, действительно, решетки здесь нет. Это, можно сказать, единственная вольность, которую я себе позволил, являясь начальником такого строгорежимного учреждения, как наша тюрьма. Я слишком много времени провожу в этих мрачных стенах, так что вполне заслужил, чтобы не смотреть на мир сквозь стальные прутья. Вы спросите, не боюсь ли я, что кто-нибудь из заключенных сможет воспользоваться такой уникальной возможностью и сбежать? Сразу же отвечу – нет. Попасть в это крыло, где расположен мой кабинет и жилой блок охраны, абсолютно невозможно. Кругом решетки и двери. Ну а система сигнализации просто фантастическая!

– Не сомневаюсь. – Я вежливо кивнул.

– Как там наш самоубийца? Оклемался?

Не дожидаясь моего ответа, полковник открыл один из ящиков стола и нажал на какую-то невидимую мне кнопку. Я услышал тихое жужжание у себя за спиной и обернулся. Одна секция стоящего напротив стола Карпова книжного шкафа плавно отъехала в сторону. Голубым мерцающим светом вспыхнул экран монитора. Секунду спустя на нем появилось изображение – прижавшийся к каменной стене заключенный с перебинтованной рукой и стоящий рядом коротышка-доктор. Потом в фокусе объектива появился и я сам...

– Как видите, – не без хвастовства заявил Карпов, кивая

на экран, – начальник охраны, дежурный по учреждению и, конечно же, я в любую минуту можем проконтролировать любую камеру, любой коридор или любое другое помещение тюрьмы. К чему я все это говорю? А к тому, что вы, отец Павел, будете жить в единственном месте на Каменном, где отсутствует система постоянного слежения. Это строение единственное, которое не соединено с основным корпусом тюрьмы. До сих пор оно пустовало. – Поймав мой заинтересованный взгляд, Карпов уточнил: – Видели тот домик с крестом на крыше, что находится напротив «шлюза»? Когда-то в нем жил настоятель монастыря. Там всего одна комната, но зато есть все необходимые удобства – вода и прочее. Когда встал вопрос с вашим размещением, я сразу же подумал о домике настоятеля. Ведь вы, отец Павел, начиная с сегодняшнего дня, можно сказать, и есть первый после более чем семидесятилетнего перерыва настоятель Каменного.

– Благодарю вас, Олег Николаевич.

– Вот и замечательно, – хлопнул по крышке стола Карпов. – Так как, вы говорите, себя чувствует наш самоубийца?

– Он так и не смирился со своей участью. Постоянно твердит, что невиновен. – В нескольких предложениях я передал наш со Скопцовым разговор.

– Ничего удивительного, – равнодушно произнес полковник. – Когда пообщаетесь с остальной сотней заключенных, то увидите – каждый второй считает, что его осудили на «вышку» незаслуженно. Я хочу, отец Павел, чтобы вы раз и

навсегда усвоили – все, кто сидит сейчас в этой тюрьме... – Карпов сделал широкий жест рукой, описав что-то вроде полукруга, – настоящие выродки, недочеловеки, на совести которых в общей сложности около тысячи убийств! Взять, к примеру, Ряховича. Собственноручно задушил пятнадцать человек, после чего расчленил трупы и съедал их мясо! Если бы экспертиза признала его сумасшедшим, то сидеть ему в дурдоме до конца своих дней. Но он оказался не более ненормальным, чем мы с вами. Представляете? А Пархоменко! Бывший следователь, между прочим! Сволочь! Сколотил банду из бывших сотрудников мурманской и североморской милиции, которая отличалась невиданным до сих пор изуверством в процессе сбора дани с бизнесменов! На суде было доказано – только доказано – сорок два убийства, а сколько случаев остались неизвестными?! – Карпов вытянул из пачки сигарету, прикурил от настольной зажигалки и глубоко затянулся. – До сих пор не пойму, как ему подписали прошение о помиловании... Так что у меня нет сомнений в виновности наших зэков, отец Павел. И уж тем более в отношении Скопцова. Сексуальный маньяк, изнасиловавший и зверски убивший семерых женщин в вашем родном Питере! Знаете, что он вытворял с ними после того, как удовлетворял свою мерзкую похоть?!

Мои руки непроизвольно сжались в кулаки. Перед глазами поплыли темные круги...

– Специально для этой цели Скопцов брал с собой зонт

с острым металлическим наконечником! – между тем продолжал Карпов, затягиваясь сигаретой. – Так вот, после совершенного насилия он засовывал конец зонта женщинам во влагалище и заталкивал его до тех пор, пока было возможно! А в последний раз, когда под рукой зонта не оказалось, он проткнул беременную женщину сучковатой палкой, валявшейся где-то под ногами!..

Я уже ничего не видел, все пространство передо мной было густо затянуто кроваво-красным туманом. Голос полковника доносился до моего сознания так, словно Карпов говорил из глубокого пустого колодца. Каждое произнесенное им слово парализующей болью отзывалось во всем моем теле. Усилием воли я взял себя в руки. Уже второй раз за сегодняшний день мне до зубовного скрежета захотелось любым способом заткнуть глотку сидящему напротив меня человеку. Это было страшно.

– ...И после всего содеянного он еще продолжает пускать слюни и выть! Ублюдок! – Карпов положил окурок на край хрустальной пепельницы, достал из кармана пиджака носовой платок и промокнул им вспотевший лоб. – Честно говоря, отец Павел, я не представляю себе, как, зная прошлое хотя бы одного из сидящих здесь убийц, вы можете заставить себя не только не возненавидеть их за все, что они успели натворить, но и еще жалеть их! Мне лично понять такое невозможно. Впрочем, вероятно, если бы я был способен это понять, то уже давно был бы священником, а не начальником

тюрьмы.

Карпов бросил смятый платок на стол, снова выдвинул ящик стола и нажал на невидимую мне кнопку. Экран монитора погас, а книжная полка встала на прежнее место. На несколько долгих секунд в кабинете начальника тюрьмы воцарилась гнетущая тишина. За это время мне удалось справиться с нахлынувшими эмоциями. Совершенно случайно я опустил глаза вниз и увидел, что мои крепко сжатые в кулаки руки едва заметно подрагивают.

– Вы себя неважно чувствуете, отец Павел? – нарушил молчание полковник, пристально глядя на меня.

– Нет-нет, все в порядке, Олег Николаевич, просто я порядком устал за последние сутки. Перелет в Москву, поезд до Вологды, автобус до вас и сразу же после приезда – разговор с этим... – Я не нашел подходящего слова, чтобы применить его к сидящему в камере номер сто двадцать один Скопцову, и замолчал.

– Все, не буду вас больше задерживать. Еще только несколько слов, так сказать напутствие... – Полковник затушил в пепельнице сигарету и подался вперед. – В таком специфичном учреждении, как тюрьма, появление нового человека, если он к тому же не относится к числу заключенных или к охране, всегда вызывает сложности. Вы, отец Павел, человек особого рода. Священнослужитель. Поэтому и правила для вас будут несколько иными, чем для всех прочих. Пожалуйста, запомните их и потом не говорите, что я вас не

предупреждал.

Наши взгляды пересеклись. Прежде чем начать перечисление условий моего проживания на Каменном, Карпов специально выдержал паузу в пару секунд, как бы стараясь подчеркнуть значимость того, что он сейчас скажет.

– Так вот, жить вы будете в домике настоятеля. Там есть все необходимое из мебели, есть душ, есть туалет. Ни на одной из дверей нет замков, нет видеокамер наблюдения, так что будьте готовы, что в любой момент дня и ночи к вам может зайти кто-нибудь из дежурных охранников... Еду вам будут приносить три раза в день прямо в дом. Завтрак в семь, обед в час, ужин в шесть вечера. Посещение заключенных будет осуществляться по их предварительным просьбам, с которыми они будут обращаться к охране. Решать, с кем и когда вы можете беседовать, буду лично я, а в мое отсутствие – майор Сименко. В отличие от бойцов охраны, многие из которых имеют семьи в Вологде и каждую неделю на два дня выезжают за пределы учреждения, вы можете посещать город всякий раз, когда туда собирается автобус, и находиться там не более трех часов, после чего вас доставят обратно на том же транспорте. Во время пребывания за пределами тюрьмы вы можете посещать храмы, музеи, библиотеку... Если возникнут какие-либо просьбы или вопросы – советуйтесь лично со мной или с начальником охраны. В вашем жилище есть телефон, который напрямую соединен с дежурным. Для вызова достаточно просто поднять трубку. Ну и в

заключение хочу еще кое-что добавить... – Карпов тихо откашлялся, зажег новую сигарету и со свистом затянулся. – Я не могу вам обещать, что во время вашего нахождения вне пределов тюрьмы вы не будете находиться под наблюдением. И дело не в том, что я вам не доверяю, отец Павел. Просто там, за пределами монастыря, – полковник перевел взгляд на озеро и распростершийся за ним бескрайний сосновый лес, – есть немало людей, которые готовы на все, лишь бы вызволить отсюда кого-нибудь из своих дружков... Так что бдительность превыше всего!

Закончив фразу, Карпов какое-то время играл со мной в «гляделки», после чего, напустив на себя важность, взял в руки первый попавшийся документ, лежащий перед ним на столе, и откинулся в кресле. Я понял, что аудиенция окончена. Единственным движением, которое он сделал помимо всего вышеназванного, было едва заметное нажатие спрятанной где-то вне пределов моей видимости кнопки. Тотчас дверь кабинета открылась и на пороге появился охранник.

– Отец Павел уходит, – не отрываясь от якобы внимательно изучаемого документа, произнес полковник, обращаясь к своему подчиненному. – Желаю хорошего отдыха, батюшка...

Миновав хитросплетение ярко освещенных коридоров и не менее дюжины стальных решеток и дверей, я очутился на тюремном дворе. Он представлял собой абсолютно замкнутую территорию в форме неправильного прямоугольни-

ка, даже несмотря на свои внушительные размеры – что-то вроде двух футбольных полей, – сильно смахивающую на захлопнувшуюся мышеловку. От серых каменных стен древнего монастыря веяло обреченностью. Единственным, что хоть немного радовало глаз, был маленький домик справа от «шлюза», внешне похожий на небольшую часовню, увенчанный чудом уцелевшим за многие десятилетия крестом. Вокруг домика была возведена низенькая, по пояс, деревянная ограда.

Проводив меня до ограды, парень остановился:

– Это здесь. Заходите, располагайтесь. Если что понадобится – поднимите трубку.

– Спасибо, меня уже предупредили, – ответил я и направился к домику настоятеля, отныне ставшему и моим пристанищем.

Как и говорил полковник, ни на одной из дверей дома я не увидел замка. Щеколды не было даже в туалете. Чуть ли не половину жилой комнаты занимала непропорционально большая для столь маленького дома печь. Возле окна стояла железная армейская кровать с полосатым матрасом, на котором лежало новое армейское одеяло и комплект постельного белья. Помимо односекционного шкафа, тумбочки, засиженного мухами зеркала над жестяным умывальником в дальний угол комнаты был задвинут старый деревянный стол.

Когда я нагнулся за чемоданом, одиноко стоящим на полу

рядом со столом, то совершенно случайно обнаружил ржавый напильник, воткнутый в одну из его ножек. Он был прижат к внутренней стороне столешницы и потому, видимо, так и оставался незамеченным долгое время. Кто и когда воткнул сюда напильник, заточенный до остроты опасной бритвы?.. Ясно, что тот человек так и не смог им воспользоваться. Удивительно, как мне вообще удалось его обнаружить?

Покрутив в руках напильник-нож, я, недолго думая, вернул его на прежнее место и занялся своим чемоданом. Подняв его с дощатого пола, положил на матрац и открыл. С первого же взгляда стало понятно, что некто весьма любопытный скрупулезно изучал его содержимое, состоящее лишь из одежды, стянутой резинкой пачки церковных свечей, томика Библии, кошелек с небольшой суммой денег и предметов личного пользования. И хотя беглый осмотр показал, что ровным счетом ничего не пропало, сам факт скрытого досмотра был мне не-приятен. Я вспомнил не только о видеокамерах, но и о предупреждении полковника Карпова относительно «неусыпного глаза», чье следование по моим пятам было если не гарантировано, то весьма вероятно. Видимо, негласный досмотр личных вещей являлся самым первым пунктом в перечне мер, которые планировал исполнить в отношении меня начальник тюрьмы.

Закрыв чемодан, я убрал его под кровать, умылся под краном, после чего снял обувь и прилег на кровать. Она тут же

отозвалась тихим писком давно растянутых пружин. Сквозь маленькое окошко еще светило солнце, начинающее клониться к закату, но я чувствовал себя настолько уставшим, что хотя бы кратковременный отдых был мне необходим.

Глава 8

После того как за священником закрылась дверь, полковник Карпов снял телефонную трубку и набрал нужный номер. Наконец с другого конца линии донесся очаровательный женский голосок, от которого у полковника сразу же возникло внутреннее томление. Так случалось каждый раз, когда он звонил Жихареву. Повезло начальнику вологодской милиции с секретаршей, ничего не скажешь!

– Светочка, здравствуй, – приятельским тоном произнес Карпов, перекладывая телефонную трубку в левую руку, а правой вытаскивая из пачки очередную сигарету. – Романыч у себя? Дай мне его на минутку!

– Добрый день, Олег Николаевич. Сейчас соединяю. – После короткого грудного вздоха секретарши раздался чуть слышный щелчок, и в динамике заиграла дурацкая телефонная музыка. К счастью, Жихарев снял трубку почти сразу, не дав дотретькать даже первому проигрышу.

– Юра, привет, – поздоровался Карпов, щелкая зажигалкой. – Как дела на передовой?

– А-а, островитянин объявился! Да какие тут у нас, в провинции, могут быть дела! Серьезные дела в Москве да в Питере творятся, а у нас так, делишки. Бытовуха в основном. Муж вернулся из командировки, застукал жену с любовником, пиф-паф, два жмурика. Или пьяные гопники подра-

лись, а когда прохожие кинулись их разнимать, они тут же объединились и с успехом настучали миротворцам по морде. Вот такие у нас дела, Олег Николаевич! А у тебя чего новенького?

– Новенького? – Карпов пожал плечами, словно собеседник мог его не только слышать, но и видеть. – Да вот, попа в помощь прислали... Аж из самого города на Неве. Для поддержания, так сказать, морального духа среди моих истинно верующих подопечных. У меня тут к тебе просьбочка одна будет, исполнишь?

– Что, думаешь, засланный казачок, а?! – мгновенно поймал тему вологодский «шериф».

– Не знаю пока. Вроде бы не похоже, но проверить не помешает. Странно он как-то отреагировал на некоторые мои слова. Надо выяснить про него все, что только возможно. У тебя ведь друган есть в питерском ГУВД, пусть он покопает по старой дружбе. Только осторожно, понял? Если за попом стоит служба безопасности, то информация, что кто-то собирает материал на их человека, без внимания не останется. – Карпов затаился, выпустил через ноздри две тугие струи сигаретного дыма. – Прежде всего надо узнать, действительно ли наш «настоятель» заканчивал семинарию. Если заканчивал, то когда и чем занимался раньше, до поступления. Сможешь? Я в долгу не останусь, сам знаешь!

В трубке послышалось сначала тихое покашливание, а потом громкое недовольное сопение. Главный вологодский ми-

лиционер явно не хотел ввязываться в то, о чем его просили.

– Трудно это, Олег Николаевич, – наконец заговорил он заметно поникшим голосом. – Скажи, зачем тебе это надо? Даже если твой монах...

– Священник. Отец Павел, – уточнил Карпов.

– Да по мне хоть Павел, хоть Акакий – разницы никакой! Даже если его действительно подослали, тебе-то чего бояться? Зэки у тебя не сбегают, других ЧП тоже вроде не было. Ну и в чем проблема? Не пойму я.

– А я тебя не понимать меня прошу, а помочь, – как можно более спокойно произнес Карпов, хотя уже начал злиться. – Если можно узнать – хорошо, если нет – и на том спасибо! Задействуем другие каналы. Делов-то на две поллитры! И то много будет.

– Не бойсь, Олег Николаевич, много не будет, – рассмеялся Жихарев. – Двумя бутылками не отделаешься, так и знай!

– О чем речь! – довольно ухмыльнулся полковник, поняв, что гора сдвинулась с мертвой точки. – Ты сначала сделай, а потом поговорим насчет магарыча. Не обижу, не волнуйся.

– Ладно, посмотрим, – протянул в ответ собеседник. – Но ничего не обещаю, понял? Узнаю что – сам позвоню.

– Спасибо, Юра! Жду твоего звонка.

– Бывай!

Карпов положил трубку на рычаг и побарабанил пальцами по краю стола.

– Уже кое-что, – буркнул он себе под нос, поглядывая

на висящие на стене часы. Когда главный вологодский мент Жихарев говорил насчет боязни ввязываться в это дело, он не мог знать, что начальнику объекта особого назначения действительно есть чего опасаться. Но об этом, так же как и о причине возникшей с некоторых пор сверхосторожности, кроме самого начальника тюрьмы для пожизненно заключенных, знали лишь три человека, лично заинтересованных в сохранении тайны. У каждого из них был свой интерес, несмотря на то что дело было общим. И по-настоящему опасным.

Полковник какое-то время сидел за столом и курил, хмуро глядя в окно и размышляя о том, может или нет присланный на Каменный священник на самом деле оказаться агентом спецслужб. Наконец он затушил сигарету, тем самым под завязку заполнив хрустальную пепельницу, поднялся из-за стола и подошел к почти незаметной, замаскированной под деревянную обшивку стены, двери, ведущей в комнату отдыха. Отсюда можно было незамеченным, минуя посты охраны, спуститься по черной лестнице на первый этаж корпуса. Что Карпов и сделал. Здесь находились рабочие камеры заключенных. Подойдя к стандартному металлическому распределительному щиту, полковник открыл его крышку при помощи специального ключа и нажал на одну из десятка красных кнопок на квадратной серой панели. Тотчас передаваемое одной из видеокамер изображение встало в режим «пауза». Теперь дежурный на пульте наблюдения мог видеть лишь

несколько металлических дверей и абсолютно пустое пространство перед ними, даже если в это самое время эти двери уже были бы сняты с петель. Закрыв щит, начальник тюрьмы подошел к одной из дверей, набрал на кнопочной панели комбинацию из шести цифр и вошел в просторное, тускло освещенное помещение – склад, где хранились рулоны грубой материи, сотни больших бумажных мешков с полиэтиленовыми гранулами, слесарные инструменты, безопасные механические рубанки и все прочее, что было необходимым для обеспечения заключенных тюрьмы постоянной работой. Она не была слишком разнообразной: кто-то шил рабочие рукавицы, кто-то штамповал на прессе полиэтиленовые хозяйственные крышки, а остальные изготавливали простейшие изделия из дерева, вроде разделочных досок. Лишь немногочисленная часть зэков принципиально отказывалась от работы, стойко перенося все применяемые охраной «меры убеждения», от многосуточного пребывания в тесном carcere до пытки голодом и жаждой.

Впрочем, заключенные в данный момент интересовали полковника не больше, чем расстрелянные израильтянами палестинцы на западном берегу реки Иордан, о которых вчера сообщали в программе «Время».

Полковник сдвинул в сторону большой фанерный ящик в самом дальнем углу склада и поднял небольшую деревянную дверцу люка в полу. Из квадратного отверстия, открывавшего вход в подвальное помещение, взметнулся к потол-

ку мрачного склада сноп электрического света. Нащупав ногой узкую металлическую ступеньку, Карпов стал осторожно спускаться вниз.

Он очутился в довольно просторном помещении, оборудованном под химическую лабораторию. Сверкающая хромом установка гудела, синтезируя очередную порцию «товара». По трубам охлаждения по замкнутому кольцу циркулировала вода. Десятки всевозможных приборов, подрагивая стрелками, показывали состояние производственного процесса на данный момент. На полочках стояли многочисленные стеклянные сосуды с реактивами. Воздух был наполнен странной смесью различных запахов, в которых преобладал аромат мяты. Именно таким запахом обладал производимый на этом мини-заводе продукт, чью химическую формулу знал только один человек в мире. И сейчас он находился здесь.

Темноволосый мужчина с потным лицом и в очках, сбившихся на самый кончик носа, поднялся из-за стола. На вид ему было около сорока, среднего роста, слегка сутулый. Одет он был в черную хлопчатобумажную рубашку и потертые джинсы. Во рту – зажатый зубами окурок сигареты. Выплюнув на кафельный пол докуренный почти до фильтра бычок и затушив его ногой, мужчина встретился взглядом с полковником.

– Есть курить, командир? – процедил он сквозь зубы.

Карпов молча подошел к столу, на котором, видимо, уже

давно свистел электрический чайник, достал из кармана наполовину пустую пачку «Мальборо» и бросил ее рядом с керамической кружкой. После чего выдернул шнур чайника из розетки, снял с полочки над столом еще одну кружку, открыл стоящую тут же жестяную банку с растворимым кофе и насыпал себе две чайные ложки. Медленно размешав дымящийся напиток, он с хлюпаньем сделал глоток и посмотрел на человека в черной рубашке.

– Сколько товара сегодня получилось, мастер?

– Сто десять грамм. Прилично. Завтра думаю сделать профилактику системы охлаждения. Тем более что исходных компонентов все равно осталось только на два часа работы.

– Понятно. – Карпов покачал головой, поставил кружку с кофе обратно на стол, остывать, после чего достал из пачки сигарету и закурил. – Надо будет подождать несколько дней, у них там какие-то проблемы возникли с поставками. На следующей неделе, думаю, все нормализуется. Обещали. Кстати, мне сказали, что товар стал менее забористым. – Полковник хитро прищурился. – Нет уже, говорят, такого кайфа, как в самом начале, приходится использовать увеличенную дозу. Может, объяснишь, в чем дело, а?

«Химик» криво усмехнулся и с готовностью кивнул.

– Чего тут объяснять! Амфитамин «альфа» не может иметь иную силу, чем он имеет. В противном случае вещество просто не может быть синтезировано. – Он поправил очки, едва не спадавшие с кончика его носа, и, взглянув на

лежащий на одном из рабочих столов, рядом с электронными ювелирными весами, запаянный в полиэтиленовый пакетик кристаллический порошок, добавил: – Ваши покупатели, полковник, просто хотят сбить цену. Они просто зажравшиеся жлобы. Впрочем, – «химик» пожал плечами, – мне без разницы, за сколько вы будете продавать им готовый товар. Я все равно никогда не увижу и не смогу потратить даже сотую часть от этих безумных денег.

– Зато в отличие от остальных зэков ты каждый день пьешь настоящий кофе, фруктовый сок и пиво, ешь почти что домашнюю пищу, можешь смотреть телевизор, – полковник кивнул на стоящий неподалеку «Шарп», – и даже иногда трахать настоящую живую бабу, вместо того, чтобы заниматься онанизмом в своей камере, пряча руки под одеялом.

– А что мне еще остается делать? – «Химик» нагло усмехнулся. – К тому же мы, полковник, заключили так сказать джентльменское соглашение – я зарабатываю для вас деньги, причем деньги бешеные, а вы за это обеспечиваете меня максимально доступным в условиях этого учреждения комфортом. По-моему, все честно.

– Значит, ты считаешь, что меня просто «душат» на цену? – после небольшой паузы уточнил Карпов.

– Как пить дать! – кивнул «химик». – Так что на вашем месте я бы послал их куда подальше с такими провокациями. Пусть платят. Кстати, а почему сейчас идет грамм амфетамина на рынке?

– Ты же сам сказал, что деньги тебя не колышут! – фыркнул полковник, присаживаясь на табуретку. – Тогда зачем спрашиваешь?

– Так, из любопытства. Просто хочу прикинуть, во сколько мне обходится ваше хорошее расположение, – осклабился «химик», присаживаясь напротив Карпова. – Неужели не скажете, полковник? Ай-яй-яй... Мне ведь все равно никогда отсюда не выбраться, а так хоть помечтаю, сколько я заработал бы денег, если бы был на воле. Разве не развлечение?!

– Валяй, развлекайся сколько угодно, – пробурчал в ответ Карпов. – За один грамм амфитамина я получаю десять баксов.

– Неплохо, гражданин начальник, совсем даже неплохо! Да-а, золотой у меня чаек получается, ох золотой. Вот это бизнес, это я понимаю! Не понимаю только одного – зачем скромному полковнику такие сумасшедшие деньги? Где их тратить?

– Много будешь думать, Эйнштейн, голову потеряешь, – спокойно парировал Карпов. – Твое дело работать, а остальное пусть тебя не волнует. На следующей неделе, как и договаривались, привезу тебе на ночь новенькую подружку.

– И банок десять крепкого «Хольстена», – напомнил начальнику тюрьмы «химик», протирая стекла очков носовым платком. – И новые видеокассеты с порнухой. А то уже смотреть нечего.

– Хорошо, Эйнштейн, будут тебе и пиво, и кассеты. Еще что-нибудь?

– Только одно пожелание насчет бабы, начальник, – «химик» вдруг замялся и даже отвел глаза.

– Какое еще, к чертям собачьим, пожелание?! – нахмурился Карпов. В последнее время «химик» почувствовал, что может вить из начальника тюрьмы веревки, и завалил его всякого рода просьбами.

– Пусть она будет не ниже чем метр восемьдесят, с большой грудью и длинными ногами. И чтобы была блондинка! – на одном дыхании произнес зэк.

Полковник на какое-то время потерял дар речи от столь вызывающей наглости зарвавшегося негодяя. Кое-как справившись с приступом ярости, он злобно процедил:

– Ты чего? Рехнулся, да?.. Я что тебе, в Голливуде живу?! Мадонну по ночам за сиськи тискаю?! Ты сам-то хоть понимаешь, чего просишь?.. Мудозвон! Где я тебе в Вологде такую бабу найду?! Или прикажешь из Питера привезти, чтобы в «Невском Паласе» поискали?..

– Не знаю, – развел руками зэк, – вам виднее. А хотя бы и из Питера, что в этом плохого? Пара штук «зеленых» – и она на брюхе сюда приползет! Могу я, в конце концов, нормальную женщину трахнуть или нет? А не такую лярву с прокусанными сосками, какую в прошлый раз привозили. Не представляю, сколько водки надо выдуть, чтобы ее захотеть?!

«Химик» явно зарывался. Тем более что девица, посещав-

шая его десять дней назад, была вполне приличной вологодской проституткой, позаимствованной полковником за сотню баксов из интим-клуба, с условием, что до места «работы» девице придется ехать с завязанными платком глазами. Мордашка у нее была смазливая, ну а что касается прокусанных грудей, тут уж извините!..

– Разбаловал я тебя, Дронов, – подвел неутешительный итог Карпов, одним большим глотком вливая в себя остатки кофе. – Я смотрю, ты уже забыл, как отправлял на тот свет одиноких старух, вся вина которых состояла в том, что у них якобы водилось золотишко. «Большие дяди» из Москвы приговорили тебя к «вышке», потом пожалели и привезли сюда! Делай то, что я тебе говорю, жри то, что принесут, и трахай ту бабу, какую я доставлю, иначе снова окажешься в карцере и будешь большими ложками хлебать собственное дерьмо. А потом, с набитым ртом, отправишься в рабочую камеру шить строительные перчатки! Ты меня понял, Эйнштейн херов?

– Понял, – спокойно ответил зэк. – Я готов выполнить все это прямо сейчас. Но в таком случае и вам, гражданин начальник, придется сосать большой-большой леденец и довольствоваться той зарплатой, которую вам положило наше чрезвычайно щедрое государство. Ну как, устраивает такой вариант?

– Заткнись, сволочь! – зарычал Карпов, правда, уже больше для порядка. Он прекрасно понимал, что заставить Дро-

нова производить наркотик насильно невозможно. А значит, хочется ему того или нет, но придется по мере возможности улаживать этого подонка, год назад выторговавшего себе райскую жизнь в обмен на свои мозги. Этот хитрый зэк знает цену своей башке. – Я посмотрю, что можно сделать, – с неохотой произнес Карпов, взвешивая на ладони прозрачный целлофановый пакетик с кристаллами. – Но на многое-то губы не раскатывай и перестань меня злить, иначе поссоримся, понял?

– Конечно, Олег Николаевич, о чем разговор! – Губы «химика» растянулись в довольной усмешке. – Значит, завтра не работаем? Надо посмотреть, что с охлаждением. Пока ничего страшного, но лучше регулярная профилактика, чем серьезный ремонт.

– Делай, как считаешь нужным. – Карпов достал из кармана пиджака полиэтиленовый пакет и положил в него наркотик. – А я постараюсь побыстрее обеспечить тебя исходным сырьем для товара. И не забудь – ровно через час за тобой придет майор. К тому времени ты должен переодеться в робу и находиться наверху, на складе.

– Не волнуйтесь, начальник, все будет в лучшем виде. С дисциплиной у нас полный порядок! – осклабился «химик».

– Да, кстати... – Уже собираясь подняться наверх, Карпов обернулся к заключенному и сообщил: – У нас в учреждении появился свой персональный поп. Надеюсь, ты не захочешь исповедоваться ему в своих грехах? – На губах начальника

тюрьмы заиграла ехидная усмешка.

– Бросьте, начальник, – совершенно серьезно ответил эк. – Я прошел неплохую школу атеистического воспитания, спасибо советской власти, и не верю ни в бога, ни в черта. И уж как-нибудь сам разберусь со своими грехами.

– Я просто предупредил, а ты сам делай выводы. Давай, вырубай все и собирайся.

Глава 9

В первый день моего пребывания в стенах тюрьмы меня больше никто не беспокоил, если не принимать во внимание рыжего парня в черной униформе, который в шесть часов вечера принес ужин – щи из кислой капусты, картошку с тушенкой и слабозаваренный чай. Зато начиная со следующего утра я по несколько часов в день проводил в камерах, беседуя с заключенными. Майор Сименко предварительно устроил мне нечто вроде краткой экскурсии по «объекту», чтобы я имел хотя бы элементарное понятие, где что находится. Я побывал в рабочих камерах, в библиотеке, осмотрел спортивный зал, в котором качали мышцы и отработывали приемы рукопашного боя плечистые ребята из охраны. Кроме того, мне пришлось выдержать продолжительную беседу с воинствующим атеистом Семеном Ароновичем, «денно и ночью радеющем о здоровье» заключенных.

Но главным все-таки было именно то, ради чего я и приехал в это мрачное место. За день я успевал встретиться с пятью-шестью заключенными. Выдерживать их страшные исповеди было, честно говоря, делом нелегким. Впечатления от специфического контингента тюрьмы сложились у меня во вполне определенную картину. Несмотря на картонные иконы, которые с фальшивым трепетом показывали мне обитатели некоторых камер-одиночек, несмотря на слезные за-

клинания в том, что они «осознали и раскаялись», я, пообещавшись с двумя десятками убийц, мог с уверенностью сказать, что большинство из них, к моему сожалению, да простит меня Господь, – хитрые, циничные лгуны. Случись им вновь дорваться до воли, они вновь занялись бы своим преступным ремеслом.

Другая группа зэков – профессиональные киллеры и бандиты. Эти нагло и цинично заявляли мне, что ни капли не жалеют о том, что творили, находясь на воле, и если бы им вновь представился шанс оказаться по ту сторону этих неприступных каменных стен, то они снова вернулись бы к исполнению своих «профессиональных обязанностей».

И, как и предупреждал меня майор Сименко, не только Скопцов, но и другие заключенные, совершившие преступления на сексуальной почве, с пеной у рта пытались убедить меня, что они ни в чем не виноваты, что они сущие агнцы, которых плохие дяди оклеветали и отправили на адовы муки.

Вечером, на четвертый день моего пребывания в тюрьме, в домик настоятеля пожаловал полковник Карпов. Он по-хозяйски присел на старый расшатанный стул, закурил и поинтересовался:

– Ну что, отец Павел, какие впечатления от бесед с зэками?

– Разные, – уклончиво ответил я, отодвигая в сторону так и не доеденную мной перловую кашу в алюминиевой мис-

ке. – Хотя некоторые из заключенных, возможно, близки к тому, чтобы встать на путь духовного очищения. С остальными же еще предстоят долгие беседы. Их души пока еще до сих пор сжигаемы греховными страстями. Задача каждого священника – отвоевать их у сатаны для Господа нашего.

– И вы действительно верите, что эти выродки способны раскаяться в содеянном? – Полковник усмехнулся. – Может, лучше было бы поставить их к стенке и загнать в затылок пулю? Неужели вам так никто и не говорил, что жалеет о том, что его помиловали? Взять, к примеру, того же Скопцова... Пять попыток самоубийства! Знаете, если он в следующий раз попытается разбить себе лоб о стену камеры, я, пожалуй, не стану ему мешать. – Полковник, прищурившись, посмотрел мне прямо в глаза, наблюдая за последующей реакцией. – Если человек так не хочет жить, то зачем насильно заставлять его влачить жалкое существование?

– Я надеюсь, что после нашей встречи он больше не станет этого делать...

– Неужели вы так верите в силу убеждения словом, отец Павел? Впрочем, это ваше право. Я, собственно говоря, пришел спросить у вас насчет завтрашней поездки в Вологду. Дежурный передал мне вашу просьбу, и я не вижу причин для отказа. Мне только хотелось бы узнать о ваших планах. Куда пойдете, с кем собираетесь встречаться... Помните, о чем я вас предупреждал во время нашего первого разговора?

– Конечно. Я просто хочу осмотреть город. Прежде я ни-

когда не был в Вологде. Разумеется, я найду в одну из местных церквей. Куплю свечи. К тому же пятеро заключенных попросили меня подарить им Новый Завет.

– И это все?

– Все. А вы хотели меня о чем-то попросить, Олег Николаевич?

Карпов на секунду задумался, потом щелчком указательного пальца стряхнул на пол столбик пепла, растер его ботинком и кивнул.

– Да, хотел. Есть у нас один заключенный... – Полковник нахмурился, его широкий лоб прорезали три глубокие морщины. – Пожалуй, самый озлобленный из всех, кто сейчас находится в этой тюрьме. До сих пор не понимаю, как у президента поднялась рука подписать ему прошение о помиловании! О нем пару лет назад писали все газеты. Сергей Маховский. Не слышали? – Я отрицательно покачал головой, хотя имя преступника показалось мне смутно знакомым. – В свое время он был неплохим спортсменом, мастером спорта по боксу. Потом что-то случилось с его головой, наверное, окончательно вышибли мозги... Ему запретили появляться на ринге. Он озлобился. По ночам подкарауливал на улицах одиноких прохожих, грабил, а потом забивал до смерти. Причем экспертиза всякий раз показывала, что Маховскому хватало одного удара, чтобы человек отключился, и еще двух-трех, чтобы он навсегда расстался с жизнью. Каждый раз одно и то же. Через два месяца его взяли. При за-

держании в него всадили четыре пули, но, даже тяжело раненный, он умудрился отправить на тот свет склонившегося над ним оперативника одним ударом в грудь. У бедняги остановилось сердце... – Карпов выдержал паузу и сообщил главное. – Сегодня днем Маховский попросил, чтобы к нему зашел священник. Сказал, что хочет исповедоваться...

– Я вижу, вас что-то беспокоит, Олег Николаевич?

– Я просто хочу вас предупредить, что этот заключенный с момента прибытия на Каменный ни одного дня не работал. К нему неоднократно применялись меры физического воздействия, но все тщетно. Он необычайно силен и коварен. Несколько раз он нападал на охрану. Один раз в самом начале своего пребывания здесь, когда его сопровождали лишь двое бойцов. Так вот, он вырубил их в считанные секунды. Теперь его выводят за пределы камеры только в сопровождении четверых лучших охранников. В общем, отец Павел, зная ваше правило оставаться с заключенным с глазу на глаз, я вынужден вас предупредить, что в случае с Маховским это крайне опасно. Я, конечно, могу запретить вам встречаться с ним. Для вашего же блага...

– Но ведь те, с кем я встречался последние четыре дня, тоже далеко не ангелы, – парировал я. – И ни один из них не предпринял попытки причинить мне зло. Я считаю, что если грешник просит об исповеди, то священник не имеет права ему отказывать.

– Хорошо, я согласен впустить вас в камеру, но только в

сопровождении как минимум двух охранников, – выдвинул последнее условие Карпов. – Как-никак я за вас отвечаю.

– В таком случае исповедь теряет свой смысл. Человек, желающий открыть душу перед слугой Господа, не сделает этого никогда, если рядом находится посторонний. Так же как священник не примет исповедь, если будет знать, что слова исповедующегося могут быть услышаны кем-то третьим.

– В таком случае, отец Павел, мне очень жаль, но я вынужден воспользоваться своим правом запретить вам встречаться с заключенным номер семьдесят два! Итак, завтра к двенадцати будьте готовы. Поедете вместе с доктором в город.

Полковник поднялся, еще раз смерил меня строгим и непреклонным взглядом и вышел за дверь.

Едва Карпов вернулся в свой кабинет, раздался телефонный звонок.

– Слушаю, – сухо произнес начальник тюрьмы, недовольный, что его отвлекают от каких-то одному ему ведомых мыслей.

– Привет, Николаич. Жихарев говорит. В общем, узнал я кое-что по поводу...

Карпов вздрогнул, хотя подсознательно и был готов к чему-то неприятному. Слишком уж легко продвигался их с Сименко нелегальный бизнес, приносящий более ста тысяч

долларов в месяц наличными, чтобы рано или поздно в небе над их головами не сгустились свинцовые тучи. И слова Жихарева прозвучали для полковника как сигнал тревоги.

– Честно говоря, сначала я не верил, что мой приятель из Большого дома на Литейном сможет что-то раскопать. Но пятнадцать минут назад он мне позвонил и выдал довольно занятную информацию.

– Юра, не томи душу! – рявкнул Карпов. – Что ему удалось узнать про нашего попа?

– Ну, начнем с того, что он действительно самый настоящий священник, закончивший духовную семинарию. Ты меня слышишь? Алло!.. До последнего времени он служил в одном из храмов Питера. Это все, что касается его, так сказать, духовной карьеры.

– Надеюсь, ты не только это хотел мне сообщить? – с заметным нетерпением раздраженно бросил Карпов. – Ну, говори же! Не томи душу!

– Слушай, а чего ты так трясешься, землячок? – Жихарев не мог отказать себе в удовольствии заставить своего приятеля подергаться. – Почему так боишься этого попа, а? Давай, выкладывай, в чем дело. Может, помогу чем.

– Нисколько я не трясусь, просто нервы с утра помотали. – Карпов на ходу стал придумывать убедительную версию, в которую смог бы поверить такой хитрый лис, как подполковник Жихарев. – Зэк тут один попался, из тех, что по «мохнатому сейфу» подсел. Упертый слишком, говорил много, ру-

ками дергал. В общем, сам понимаешь.

– Охрана перестаралась? Подумаешь, велика проблема! Во даешь, Николаич, честное слово! Грохнули извращенца ребятки, верно?

– Да вроде как... Я попытался, как мог, замять дело, но мало ли...

Вопросы о превышении своих полномочий бойцами взвода охраны начальник тюрьмы решал так же просто, как ему удалось у всех под носом наладить производство синтетической наркоты. Как минимум два из трех случаев, официально оформленных тюремным доктором как самоубийство, не обошлись без участия кого-либо из плечистых кедровцев. Но ни Жихарев и никто другой, естественно, в такие нюансы посвящен не был. Поэтому Карпов ничтоже сумняшеся сочинил историю про взбесившегося маньяка. А закончил следующими словами:

– У меня, Романыч, я знаю, никто не стучит, поэтому вполне может быть, что «контора» специально подослала своего человека, чтобы проверить, как я здесь, так сказать, «соблюдаю законность». Согласись, ни один зэк никому так не откроется, как священнику. Знаешь, сколько подсадных попов держал в свое время Комитет в церквях и сколько наивных простачков погорело на желании излить наболевшее!

– Да, в сталинские времена языки распускать было опасно, – согласился Жихарев. – Это теперь у нас демократия, черт бы ее побрал! Распустился народ! В общем, слушай ме-

ня и сам соображай, может или нет твой монах, как его...

– Отец Павел.

– ...отец Павел быть соглядатаем. – Жихарев откашлялся, а потом четко, словно на докладе в министерстве, стал излагать главное из того, что сообщил ему питерский приятель: – Аверин Владислав Александрович, окончил Рязанское высшее воздушно-десантное училище, потом прошел спецподготовку на закрытой учебно-тренировочной базе в Средней Азии, воевал в Афганистане в составе спецподразделения «Белый барс». Несколько раз был ранен. Имеет боевые награды. Был в плену у моджахедов, затем вернулся в часть, после чего вскоре демобилизовался из армии в звании капитана ВДВ. Через год с небольшим поступил в духовную семинарию, по окончании которой получил сан священника. Ты все понял, Олег?

– Думаешь, «безопасность» специально готовила агента для таких целей? – Сказать, что Карпов был удивлен, значит, принизить нахлынувшие на него эмоции как минимум вдвое. Полковник просто застыл с телефонной трубкой в руке и после долгого молчания наконец произнес: – Да уж... Вот тебе и поп!

– Я думаю, Николаич, тебе не стоит особо дергаться, – успокоил Карпова шеф вологодской милиции. – Просто не позволяй ему совать нос куда не следует. И постарайся сделать так, чтобы зэки, которые что-то знают, молчали. Все равно ты ничего изменить не сможешь. С «безопасностью»

шутки плохи, тем более если он действительно их агент. Ладно, что узнал – рассказал, больше болтать с тобой времени нет, сам понимаешь – работа! Давай, крепись, земляк. С тебя, между прочим, причитается!..

– Спасибо, Юра. Не волнуйся, я в долгу не останусь. Пока.

Карпов положил трубку на рычаг, нервно закурил, подошел к окну и стал рисовать в своем разыгравшемся воображении картины того грандиозного фиаско, которое он потерпит, если отец Павел и впрямь окажется агентом ФСБ и докопается до его «бизнеса».

Полковник отвернулся от окна, подошел к шкафу, достал из него початую бутылку коньяка и отхлебнул прямо из горлышка. Единственное, к чему он пришел после двадцати минут мучительных размышлений, это осознание срочной необходимости превентивных мер по отношению к возможному шпиону в рясе священника. Только вот придумать эффективный способ обезвредить лазутчика полковник никак не мог. Его обычно богатое на подобные фантазии воображение сейчас ничего не подсказывало, оставив своего хозяина один на один с внезапно показавшейся на горизонте грозовой тучей. Возможно, она пройдет стороной, а что, если нет?..

Карпов сел обратно в кресло и несколько раз покачал бутылку из стороны в сторону, наблюдая, как перекачивается по стенкам стеклянного сосуда коричневатая маслянистая жидкость. Он уже снова собирался припасть губами к гор-

лышку бутылки, как неожиданно в его голове отчетливо прозвучала вроде бы совершенно банальная, но ставшая крылатой фраза, сказанная артистом Смирновым в фильме «Операция «Ы»: «У вас на стройке несчастные случаи были?.. Нет?! Будут!»

И тут же перед глазами Карпова предстала следующая картина. Доверчивый кроткий священник входит в камеру к убийце, который, поначалу прикинувшийся невинной овечкой, неожиданно набрасывается на ничего не подозревающего попа и в два удара отправляет его на небеса. В камеру врываются два плечистых охранника, избивают зэка резиновыми дубинками, но, увы, батюшку уже не вернешь. Ведь предупредили же его – клиент нервный, вспыльчивый, непредсказуемый, может ненароком и зашибить! А он не послушал, упрямец... Какое несчастье, ай-яй-яй, но теперь уже ничего не поделаешь, пора заказывать деревянный ящик и вызывать другого попа, чтобы прочитал отходную по невинно убиенному. Жаль только, что Жихарев поздно позвонил! Лучше бы было, если бы он, Карпов, не предупредил священника о буйном норове Маховского, а просто сообщил о просьбе заключенного исповедоваться. И не беда, что этот засланный поп когда-то был капитаном ВДВ и служил в спецназе – против двухметрового детины из камеры номер семьдесят два таких можно выставлять целую дюжину. Только не подведи, Маховский, не подведи!

Полковник так обрадовался внезапно созревшему в его

голове плану, что тут же с жадностью припал к зажатой в руке бутылке коньяка и не отрывался от нее до тех пор, пока по меньшей мере стакан горячительной жидкости не влился в его желудок. Взвинченные нервы моментально успокоились. Карпов поставил бутылку с остатками коньяка обратно в шкаф, уверенной походкой пересек просторный кабинет, сел в свое «директорское» кресло и снял трубку внутреннего телефона.

– Соедини меня с отцом Павлом, – приказал он дежурному сержанту, чиркнул колесиком зажигалки и закурил. – Отец Павел? Карпов говорит. – Он постарался, чтобы его голос звучал так же спокойно, как во время недавнего разговора со священником. – Я немного подумал и решил, что мне все-таки не стоит вмешиваться в дела церкви и запрещать вам встречаться с заключенными. Отныне вы можете посещать любого из тех, кто попросил об этом у охраны. Естественно, согласовав этот вопрос предварительно со мной. Так, для порядка. Режимное учреждение как-никак!

– Спасибо, Олег Николаевич, – ответил я, несколько удивленный неожиданной уступкой полковника. – Так, значит, завтра я могу...

– Можете, можете! – поспешил согласиться Карпов. – Но только помните о моем предупреждении и не задерживайтесь у него слишком долго. Не забывайте: автобус в Вологду уходит в двенадцать часов. Правда, если вы передумали...

– Нет. Я поеду.

– Тогда заранее желаю приятного отдыха. – Полковник уже хотел повесить трубку, но я помешал ему, спросив о возможности утреннего посещения заключенного номер сто двадцать один.

– Прошлый раз я обещал ему, что на днях обязательно зайду. Тогда, сразу после его попытки самоубийства, наша беседа носила довольно поверхностный характер.

– Если вы считаете, что это необходимо, то я возражать не буду. После завтрака охрана проводит вас в главный корпус. Всего доброго, отец Павел.

– Храни вас Господь. – Я опустил трубку и задумался. С чего это вдруг полковник так резко изменил свое, казалось бы, твердое намерение не допускать меня в камеру к Маховскому? Нет ли здесь какого подвоха?

Скопцов выглядел сегодня куда лучше, чем во время нашей первой встречи. Если к зэку из камеры-одиночки вообще применимо подобное определение. Но, по крайней мере, многодневная щетина на его впалых, пергаментного цвета щеках сегодня отсутствовала.

Вообще сам процесс бритья для заключенных Каменного несколько отличался от того, что под этим подразумевают обычный мужчина. Естественно, никому из них не разрешалось иметь в камере бритвенные лезвия, станки, какими бы безопасными в применении они ни считались. Каждый зэк пользовался так называемой «жужжалкой» – автоматической бритвенной машинкой, на которой приходилось

вручную заводить пружинный механизм, как на самодвижущихся детских игрушках.

Когда я вошел в камеру номер сто двадцать один, Скопцов мгновенно поднялся с кровати. Из его рук выпала потрепанная книга. Мне с трудом удалось прочитать ее название – «Диагностика кармы» С. Лазарева. Видимо, у помилованных убийц эта занятая книжонка пользовалась завидным успехом. После того как оставшийся в коридоре громила-охранник захлопнул за моей спиной тяжелую железную дверь, я перекрестил заключенного и жестом предложил ему сесть.

– Спасибо, что пришли, батюшка, – пробормотал заключенный, не сводя с меня настороженных глаз. – Я и не надеялся, что вы так скоро объявитесь. – Он поднял с пола книжку, из которой сразу же вывалилось несколько страниц, и показал мне. – Вот, вчера попросил принести из библиотеки...

– Ну и как? – Я уже читал эту довольно занимательную книгу, основанную на буддийском понимании земной жизни, но мне было интересно узнать мнение недавнего смертника о тех вещах, которые там описывались. Но вместо ответа я получил вопрос.

– Скажите, батюшка, неужели в нашей жизни все действительно predetermined и любой наш хороший или плохой поступок обязательно отзовется в будущем?.. Ведь именно об этом, кажется, говорится во всех мировых религиях – поступай с людьми так, как хочешь, чтобы они поступали с то-

бой.

– А ты сам как считаешь... сын мой? – с трудом выдавил я из себя два последних слова.

– Возможно, это единственное, чем можно объяснить постигшую меня участь, – на удивление спокойно ответил Скопцов. – Всю свою прошлую жизнь я слишком мало думал о людях, что меня окружали. Я жил только для себя. Мог перешагнуть через кого угодно! Не уверен, но думаю, я смог бы даже убить...

Эти слова, произнесенные человеком, совершившим семь кровавых убийств, выглядели по меньшей мере странно.

– Да, я знаю, вы мне не поверили, когда я говорил вам о том, что невиновен, – совершенно бесстрастным голосом продолжал заключенный. – Мне никто не верит... Наверное, в том, что я попал в этот пожизненный склеп, есть определенная закономерность. Ведь однажды я уже... убил своего собственного ребенка.

– Ты говоришь страшные вещи, сын мой. – Упоминание об убитом ребенке заставило мое сердце учащенно забиться. – Когда и как это... случилось?

– Примерно за несколько месяцев до того, как меня арестовали. – Судя по напрягшимся мышцам лица, воспоминания доставляли Скопцову невероятную боль. – У меня была... женщина. Так, ничего особенного. Проходной, как я считал, вариант. Она работала в гостинице, а я несколько раз заходил туда в бар попить пива или пропустить стопку-дру-

гую. Так и познакомились. Все бы ничего, но эта малышка по-настоящему влюбилась в меня. А потом сообщила, что беременна. Это было правдой, я сам видел результаты теста... Мне не хотелось ее терять – в постели эта девочка была очень даже ничего. Извините, отец, я не должен был бы этого говорить...

– Продолжай.

– Ну, в общем, я знал, что она тоже не хочет расставаться со мной. Поэтому поставил условие – или я, или ребенок. Она хотела сохранить ребенка, и мне пришлось едва ли не силой тащить ее на аборт. Но операция прошла неудачно... Когда через неделю Маша вышла из больницы, то обреченным голосом сообщила, что больше не сможет иметь детей. А потом закричала: «Будь ты проклят! У нас с тобой могла быть семья, мог быть ребенок, а ты все испортил. Теперь у меня никогда, слышишь, никогда не будет детей! Но тебе это тоже так просто не пройдет – Бог накажет тебя за то, что ты сделал». Она ушла, и больше я ее уже никогда не видел. А спустя неделю после нашего разговора я, как это часто бывало, подрабатывал таксистом на стоянке возле Покровского парка. И у меня вдруг схватило живот... Время было позднее, вокруг – ни души. Я оставил машину на стоянке и пошел. Выбрал пышные заросли сирени, залез туда, хотел было снять штаны, а там... – Скопцов нервно сглотнул подступивший к горлу комок. – Там лежала женщина... Вся в крови... Я опешил, а она приподнялась, вцепилась мне

в руку и стала просить, чтобы я ей помог. Не знаю, почему, но на меня напал вдруг такой дикий ужас, что и шевельнуться было страшно! Не долго думая, я дал деру, забыв, зачем пришел, сел в свою машину и уехал куда подальше, на другой конец города... В ту ночь я напился до поросячьего визга, но легче мне не стало. Я чувствовал себя последним подлецом! После той страшной ночи неделю без кошмаров спать не мог, все снилось, что та женщина пытается меня задушить!.. – Скопцов покачал головой и до хруста в костяшках сжал пальцы. – Прошло какое-то время, я уже стал забывать о том ночном кошмаре. Да и с деньгами наладилось. В общем, склеил я в том же самом баре, где прежде познакомился с Машей, шлюху. Красивая такая, молодая, свежая... Отвел ее в номер. Она приняла душ, за ней пошел я. А когда вышел, то обнаружил, что она смылась вместе с моим бумажником. Представляете мою злость?! Натянул я брюки и рубашку, бросился на улицу, в надежде, что эта дрянь не успела далеко уйти, и действительно, вижу, как она бежит, оглядываясь, по аллее парка. Ну я тогда не совладал с собой, в несколько прыжков ее догнал и вцепился в горло... Пьяный ведь был. Вдруг словно из-под земли этот мент со своей пушкой...

Несколько секунд Скопцов сидел, тупо глядя в бетонный пол камеры, а потом медленно, выделяя каждое слово, подвел итог:

– Вот и выходит, что на моей совести, пусть не напрямую,

косвенно, но висят три загубленные человеческие жизни. Не заставь я Машу сделать аборт – были бы сейчас у меня и жена, и ребенок. Маша потом могла родить и второго... Не испугайся я тогда, в парке, вызови «Скорую помощь», и вполне может быть, что врачи смогли бы спасти ту женщину. Потом, уже на суде, я узнал, что она готовилась стать матерью... А если ко всему этому прибавить и другие, пусть помельче, грехи моей предыдущей жизни, то и получается, что по законам кармы я сейчас расплачиваюсь за все то зло, что причинил людям...

– Почему ты не рассказал обо всем этом на суде? – Это был единственный вопрос, который я хотел задать Скопцову в тот момент. У меня было такое ощущение, что внутри меня стремительно раскручивается какой-то огромный маховик. Стало трудно дышать.

– Как не рассказал?! Я все говорил! – В голосе сидящего напротив меня заключенного в полосатой робе было столько безразличия, словно все, о чем он мне только что рассказывал, произошло не с ним. – И следователю, и адвокату, и прокурору на суде. И даже начальнику этого «санатория». Всем было наплевать. С ментов драли тогда три шкуры, требовали поймать маньяка, вот они и поймали... Меня. И подогнули под расстрельную статью. Я почти уверен, что мой адвокат, Зубов, был с ними заодно. Продажная тварь! – Скопцов презрительно сплюнул на бетонный пол камеры. – За время, прошедшее с момента моего ареста, я многое пе-

редумал. И только вчера пришел к выводу, что наказания без вины не бывает. Если каждый человек, на долю которого выпали тяжкие испытания, оглянется в свое прошлое, то обязательно найдет там столько сотворенного им зла, что поймет: все случившееся с ним – неизбежная расплата. Теперь, когда я это осознал, я больше не стану пытаться перегрызть себе вены. Я буду жить в этом каменном склепе и тем самым искупать свой грех...

Какое-то время мы молчали, что-то около минуты, после чего я поинтересовался:

– Как, скажи, как звали ту женщину, с которой ты познакомился в баре?

– Не помню... Кажется, она вообще никак не назвала себя. А мне, собственно, было все равно...

– Жаль... Разве ты никогда не думал, что, если отыщется твоя ночная подружка, это равносильно почти стопроцентному алиби?

– Думал, конечно! Менты, насколько я знаю, целую неделю дежурили в том баре, опросили десятки людей, даже давали объявление на питерском телеканале. Но эта стерва, естественно, не объявилась. Она же стащила у меня пять сотен баксов! Кто после такого рискнет сунуться в ментовку? Тем более проститутка.

– А если представить себе, что она нашлась и рассказала, как было на самом деле? Запись-то в гостиничном журнале о снятом тобой номере отсутствует. А бармен, который, как

ты говорил, был знаком с той женщиной, что тебя ограбила, потом утверждал, что ни тебя, ни какую-то там путану никогда в жизни не видел...

И тут я понял, что проговорился! Скопцов ничего не рассказывал мне о бармене! Я знал это потому, что был в курсе проводимого расследования, поскольку последней жертвой арестованного маньяка была моя жена, Вика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.